

РЕТРОГАЛЛЮЦИНАЦИЯ: «СУХОЙ ЗАКОН» В РОССИИ

«Трезвость – ...свобода от иллюзий, самообмана».

Новый толково-словообразовательный словарь
рус. языка под ред. Т.Ф. Ефремовой, 2000 г.

Общественно-политическое движение всегда имеет причину своего собственного возникновения и всегда цель – *устранение* причины своего собственного существования. К сожалению, это весьма слабо осознается, а то и вовсе не осознается не только представителями социальных течений, но и партийными лидерами, пребывающими, в частности, в Партии «сухого закона» (ПСЗ), объявившими конкурс, посвященный *столетию «сухого закона»* (1914 г.) и «яйцеголовыми» из Международной Академии Трезвости (МАТ), учредившими аж целую памятную медаль «*100 лет сухому закону России*». Хуже того, идущие на поводу у слабо осведомленных, а то и просто под влиянием лукавых негодяев, обычный набор бессистемных ограничительно-запретительных, административно-законодательных *полумер*, действовавших в период с 1914 по 1925 годы, не только обозначают, как «сухой закон», но еще и выставляют его в качестве *цели*, к которой надлежит стремиться и государству, и обществу, и каждому сознательному гражданину.

Выставлять в качестве *цели* то, что закончилось наиполнейшим и наипозорнейшим крахом?! Как вам это? Более того, они, объярлычив этот крах, как «столетие сухого закона», этот провал антиалкогольной политики, жирный крест на которой поставил лично товарищ Сталин, решили этот крах, этот провал еще и *отпраздновать*?! Очевидно, реваншистам-«сухозаконникам» мнится, что они, как Феникс, – и этот образ они даже вставили в свой гимн, – восстанут из пепла, и уж на этот-то раз непременно своего добьются. Как это похоже на поведение алкоголика, который, ничего не смысля в генезисе проблемы, от которой страдает, пытается в очередной раз «завязать».

Сизифов труд, господа, деяния ваши! Катать вам свой «камень», и не выкатить!

И в этой связи, я совсем не прочь полюбопытствовать: с какой же это целью нас так настырно ориентируют именно на эту-то цель, на этот крах, на этот провал? Не затем ли, чтоб в очередной раз завести трезвенническое движение в очередной тупик, и еще на добрую сотню лет намертво отбить, и у всех, всякое желание вести борьбу за отрезвление общества?

Хорошо известно, что антисемитизм инспирируют сами же жида. Ради удержания соплеменников во власти кагала. Это общемировая практика. Так вот, я сейчас смотрю, прищурясь, и думаю – нет ли тут какой-никакой аналогии по сходству: не сами ли представители алкобизнеса, находящиеся в преступном сговоре с государством, инспирируют внедрение «агентов влияния» в трезвенническое движение, роль которых сводится к имитации активности и к пропаганде *полумеры* типа пресловутого «сухого закона» образца 1914 года, выстав-

ляемой в качестве *радикального*, самодостаточного способа решения алкогольного вопроса?

Представляется совершенно очевидным, что правильное понимание явления невозможно без правильного понимания слов, которыми оно обозначается. Поэтому мы и предпримем сейчас попытку уточнить, что есть «сухой закон» и был ли он вообще?

Будучи участником 25-го слета представителей трезвеннического движения на оз. Тургояк (июль 2014 г.), я опросил более двух десятков соратников, наиболее сведущих в теме, используя там же «на коленке» написанный опросник, и, что более всего меня удивило, все ответы, по сути, были идентичны.

Вопрос: «Был ли в России в 1914 году «сухой закон»?

Ответ: Я считаю, был *неполный* «сухой закон» или, скажем так, был *полусухой* закон.

Вопрос: А бывает *неполная* беременность или *полубеременность*? Можно ли быть полутрезвенником или полуподлецом?

Ответ: В таком случае, «сухой закон» был.

Вопрос: А откуда вы об этом узнали?

Ответ: Из какой-то лекции.

Вопрос: Что такое «сухой закон»?

Ответ: Это полный запрет на производство, продажу и употребление алкоголя.

Вопрос: А был он – «полный запрет»?

Ответ: В 1914 году полного запрета не было.

Вопрос: Если «полного запрета не было», так был ли «сухой закон»?

Ответ: Получается, что его не было.

Вопрос: В таком случае, можно ли праздновать 100-летие того, чего не было?

Ответ: ?!..

Вопрос: Мы знаем, что в 1913 году душевое потребление алкоголя было 4,7 литра. А располагаете ли вы данными о душевом потреблении алкоголя в тот период, который раньше вы называли периодом действия «сухого закона» – с 1914 по 1925 год?

Ответ: Данные за период с 1914 по 1916 никогда не встречались, а вот с 1917 по 1924 год, как утверждают лекторы – В.П. Кривоногов и А.Н. Маюров, душевое потребление алкоголя приближалось к нулю.

Вопрос: Ну, во-первых, эти лекторы – Кривоногов и Маюров – не источники, т.к. они не исследователи, а всего лишь – популяризаторы, т.е. люди, транслирующие уже кем-то добытую информацию, верно? А во-вторых, эти лекторы, насколько мне известно, никогда и никому не говорят, где они эту цифру взяли.

Далее, известно ли вам, сколько вообще *непьющих* в процентном выражении было в период с 1914 по 1925 гг.? Сколько? 10%, 30%, 60%?

Я знаю, у вас нет таких данных, потому что в эти годы не проводился соответствующий социологический опрос населения.

Так если в России не был наложен полный запрет на производство и торговлю алкоголем, и у вас, к тому же, нет данных, – сколько было непьющих, нет данных, каково было душевое потребление алкоголя, – то, как же вы смеее утверждать, что «сухой закон» все-таки был?!..

Представляется очевидным, что были лишь некоторые *ограничения*, и *на первых порах* они дали определенные положительные результаты. Утверждать же обратное, означает, либо выставлять себя в качестве невежды (профана), либо лжеца, либо врага трезвеннического движения.

Особо хорошо, на мой взгляд, эту тему должны бы понимать члены «политбюро» Партии «сухого закона»... Но... каково ж было мое изумление, когда в ее Программе [1], принятой учредительным съездом 1 декабря 2012 г., я не обнаружил и намека на то, что, хотя бы исходя из самого названия организации, там непременно должно было бы быть – фиксация конечной цели в виде «сухого закона»?!

В Программе много и подробно говорится о бюрократии, из Программы мы узнаем, что Партия признает три формы собственности – государственную, смешанную и частную; узнаем, что Партия считает необходимым свести к минимуму торговлю импортной продукцией на внутреннем рынке; защитить сельхозтоваропроизводителя; спасти отечественную промышленность, расследовать обстоятельств грабительской приватизации, начиная с 1991 года; развивать государственное образование, поддержать высшее образование, улучшить условия жизни пенсионеров, ветеранов, инвалидов, матерей-одиночек и всех социально незащищенных слоев населения; и мы узнали, что национальный вопрос решить невозможно, но его необходимо постоянно решать; и что *«Партия считает насущной потребностью разработать концепцию военной политики России и программу создания новых Вооружённых сил с учётом опыта конфликтов с конца XX века и до начала XXI века»...*

?!..

Господи, осадил покусившихся на необъятное, одари трезвостью и ясностью умственной возмнивших себя наиспособнейшими решать задачи, кои им не по карману, не по уму, да и не по силам!..

А вот о простом и насущном – о «сухом законе» в Программе наших «сухозаконников», раздухарившихся не в меру, почему-то ни фига и ни гу-гу... Впрочем, почему же «почему-то»? Они объясняют – почему: *«Что будет дальше в России? Этого не знает никто».*

?!..

Как вам подобная плюха, уважаемый читатель?

«Сухозаконники» сподобились написать целую Программу, так и не уразумев, что программа это *«изложение основных положений и целей деятельности политической партии»* [2].

Как же можно говорить *о целях*, пребывая в наиполнейшем неведении о том, что будет дальше в России?

Хуже того, «сухозаконники», походя расписавшись в своей футуристической неосведомленности, тотчас заявили и уж совершенно немыслимое: *«кон-*

кретные детали, которыми изобилуют бесчисленные программы различных политических партий, здесь ни к чему. История показывает – они всё равно никогда не выполняются».

?!

Ни хрена себе откровения, да?

В таком случае, зачем же вы, друзья, корпели, старались, писали эту свою Программу, если для вас уже изначально яснее ясного, что и она все равно никогда не будет выполняться?!..

Хуже того, наши удивительные «сухозаконники», совершенно не верящие себе и в себя, тем не менее, умудряются все в той же Программе уповать, подобно халявщикам из МММ, на некий счастливый случай! Они прямо так и заявляют: *«и если произойдёт счастливый поворот в нашей стране, Сухой закон установится в России, мы – социал-патриоты, обязаны поддержать этот счастливый поворот в политике, ведь трезвость – счастье народа».*

Вот оно как, оказывается!?

Вот коли выпадет этот самый *счастливый случай*, то тут уж тогда-то наши «сухозаконники», до сих пор с лентой бившие баклуши, своего не упустят, тотчас и прислонятся к удаче, и поддержат этот самый счастливый поворот!..

Стыдно-то как...

А у них и гимн Программе под стать:

Мы встанем как феникс из пепла...

Еще и палец о палец не ударив, сухозаконники уже замыслили поспешно самоликвидироваться путем самокремации, чтоб потом – «как феникс из пепла».

И в чем фишка?

И почему называющие себя социал-патриотами, осимволизировали свой мудреный замысел не с помощью *русской* птицы – Финиста, а с помощью ее иностранного, афро-древнегреческого аналога?

И потом – что такое феникс? Тупая курица, двуногая тварь в перьях, не способная понять simplest: если хочешь получить какой-то другой результат, прекрати же, наконец, черт тебя побери, дезертировать – самосжигаться, как офанатевшие староверы времен Петра Великого, а начни делать хоть что-то *по-другому!* Феникс, – можно сказать еще и так, – это символ того, что в России называют «мартышкин труд», а в Греции – «сизифов труд». Кремировался – воскрес, кремировался – воскрес, кремировался... Тупая реинкарнация. И – ни потомства, ни дел достойных, ни доброй памяти...

Вот и наши сухозаконники-реваншисты, похоже, опять нороят побрести по этому, пресловутому, замкнутому кругу, и именно поэтому всячески превозносят ограничительно-запретительные паллиативы 1914 года. И, судя по Программе, при этом еще и не верят в достижимость своих собственных деклараций, и лишь красуются – «возродимся из пепла»...

Впрочем, проблема заключается, конечно же, не в отдельном секторе Трезвеннического Движения, но в том, что *Трезвенническое Движение России не может предложить социуму (народу) ту Даль светлую, в которую социум хотел бы быть позванным.*

Вместо привлекательной, радостной, трезвой перспективы – полицейский режим «сухого закона», который мыслится основной массой населения именно в той конфигурации, в какой он был в царские времена периода империалистической войны. *Режим, потерпевший крах.*

И мало кого сегодня в нашем обществе волнуют тонкости да нюансы, могущие объяснить причину провала былых благодетельных намерений.

И мало кого сегодня могут привлечь призывы реанимировать полумеры царя-неудачника, так и не отказавшегося самолично от водки и вина, так и не призвавшего отказаться от вина и водки представителей высших сословий, но якобы радевшего сугубо о народной трезвости. Не лжива ли, и не ущербна ли подобная позиция?

Мне думается, что вопрос этот является совершенно излишним.

Мне думается, что задача нашего Трезвеннического движения решительно отмежеваться от пытающихся обозначить «сухим законом» провальные антиалкогольные меры, неуклюже предпринятые царизмом, задача нашего Трезвеннического движения самым добросовестным образом очистить понятие «сухой закон» от всего того, что к нему не имеет ровным счетом никакого отношения. И первое, что на этом поприще надлежит сделать, так это определиться с самим понятием. В этой связи я со своей стороны внес бы на рассмотрение нижеследующие рассуждения.

«Сухой закон» – нормативный правовой акт, запрещающий в Российской Федерации производство, продажу, перевозку, а также ввоз в Российскую Федерацию и вывоз из Российской Федерации «напитков», содержащих этиловый спирт, предназначенных для достижения состояния опьянения или же употребляемых с ритуально-символической целью.

Вместе с тем, мы осознаем, что закон, не отражающий волю народа, представляет собою простую декларацию, неизбежно обреченную на провал. Поэтому, само существование в стране дееспособного закона признается только в том случае, если за него проголосовало *абсолютное большинство избирателей, т.е. 50% + 1 голос*, а независимыми социологическими службами признано: доля населения старше 15 лет, ведущих трезвый образ жизни, составляет *не менее 51% от общей численности страны.*

При этом мы исходим не из того, что «сухой закон» – это нуль производства алкоголя, нуль продаж и нуль потребления, но из того, что, *несмотря на любое душевное потребление алкоголя*, за «сухой закон» проголосовало *абсолютное большинство избирателей, т.е. 50% + 1 голос*, и доля населения старше 15 лет, ведущих трезвый образ жизни, составляет *не менее 51% от общей численности страны.*

Логика в данном случае проста, убедительна и через аналогию может быть выражена в следующем виде: мы признаем Уголовный Кодекс *действующим*, несмотря на то, что только в 2013 году в России было зарегистрировано

2 млн 206 тыс. преступлений, а 1 млн человек – привлечено к уголовной ответственности [3].

Это очень существенный нюанс, который необходимо понимать и принимать.

Итак, исходя из выше изложенного, ставим вопрос ребром: **был ли в России в период с 1914 по 1925 гг. «сухой закон»?**

Мы нередко и слышим, и читаем, что в 1914 году в преддверии и даже «в начале Первой мировой войны был издан царский указ о запрещении производства и продажи *всех видов* алкогольной продукции *на всей территории* России» [4], и именно на основании этих заявлений, у многих складывается впечатление, что в России фактически был введен «сухой закон».

Однако ж на самом деле все обстояло не только несколько иначе, но очень иначе.

В 1913 году в России – с февраля и до осени – отмечалось 300-летие царствующего дома Романовых. Государь решил не ограничиваться своим участием в столичных торжествах, и 15 мая отбыл из Царского Села через Москву во Владимир, далее – Суздаль, Нижний Новгород, Кострома, Ярославль, Ростов... И, как результат, был чрезвычайно впечатлен «как проявлением народной преданности, так и теми картинами бедности и нужды, которые Ему случилось наблюдать при проезде через деревни» [5]. Не укрылись от Николая II, конечно же, и нетрезвость народная, и неизбежные следствия этой нетрезвой жизни. И не просто не укрылись, но и не давали ему покоя более полугода... И все это на фоне понимания того, что доходы от казенной винной монополии за 1913 г. уже составили – 899,3 млн руб. (1900 г. – 117,9 млн руб.) [6], что повлекло за собой обвинения в сознательном спаивании народа. Даже «друг семьи» – Григорий Ефимович Распутин и тот в Царском Селе начал постоянно твердить: «Негоже Царю торговать водкой и спаивать честной народ» [7]...

Быть может, последним информационным плевком, выведшим, наконец-то, монарха из затянувшихся бесплодных терзаний по поводу всенародного пьянства, явилось выступление опального графа С.Ю. Витте на заседании Государственного Совета 10 января 1914 г., в котором инициатор питейной реформы, отстраненный несколько лет тому назад от ее проведения, доказывал, что прекрасную идею сокращения пьянства в стране действующий министр финансов Коковцов подменил шкурной идеей пополнения бюджета за счет интенсификации алкоторговли. Причем, последний силу данного фактора умудрился еще сам же и преумножить.

19 января 1914 года Коковцов направил Николаю II письмо с просьбой об аудиенции. На встрече, состоявшейся 21 января, министр финансов после бессмысленных жалоб на развязное поведение графа Витте фактически выступил *против* закрытия винных лавок, утверждая, что «никакие искусственные меры трезвости не достигнут цели и приведут только к тайной продаже вина и тайному винокурению», «нанесут непоправимый вред казне и народу, натолкнувши его на самые ужасные злоупотребления, перед которыми бледнеют все ис-

куственно раздуваемые рассказы о том, что государство спаивает народ» и что якобы «единственные действительные средства борьбы против пьянства заключаются в подъеме морального и материального уровня народа» [8].

Махровый враг трезвости!

Конечно, подобные лукавые предложения не могли убедить царя, уже достаточно хорошо знакомого с проблемой и прекрасно знающего, что за последние столетия вместе с повышением морального и материального уровня народа шел рост душевого потребления водки, ибо нравственность и достаток не являются антагонистами уровня душевого потребления спирта. Нам, вооруженным учением Г.А. Шичко, сегодня это понятно более чем хорошо, но ведь и тогда сие было очевидным для способных наблюдать и сопоставлять.

Между тем, нужно отметить, что Коковцов – это незаурядный, опытнейший и наимудрейший государственный деятель, но... когда дело касается алкоголя, даже в такие светлые головы приходит беспросветная, темная ночь. Причем, он ведь прекрасно знал о той антиводочной позиции, которую к тому моменту уже занимал, отчасти вынужденно занимал Николай II, знал, что и Витте знает об этой позиции, оттого-то и был опальный граф столь неосторожен и бесцеремонен в своих речах, произносимых в стенах Государственного совета...

Удивительно!

И развязка не заставила себя ждать. 26 января 1914 года на приеме у Николая II появляется товарищ министра торговли и промышленности П.Л. Барк, не только заявивший, что «нельзя строить благополучие казны на продаже водки, которая подрывает народное благосостояние» [9], но и вовремя предложивший весьма привлекательную и неординарную финансовую программу действий (в том числе, введение подоходного налога, принятия мер для сокращения потребления водки и отмену винной монополии).

В результате, 30 января 1914 г., министр финансов В.Н. Коковцов отправляется в отставку, П.Л. Барк с этого же момента становится управляющим Министерства финансов (с 6 мая – министр финансов), и в этот же день Петр Львович получает еще и Высочайший рескрипт: «Я пришел к твердому убеждению, что на Мне лежит перед Богом и Россией обязанность ввести безотлагательно в заведывание государственными финансами и экономическими задачами страны коренные преобразования во благо Моего возлюбленного народа. Нельзя ставить в зависимость благосостояние казны от разорения духовных и хозяйственных сил множества Моих верноподданных, а посему необходимо направить финансовую политику к изысканию государственных доходов, добываемых из неисчерпаемых источников государственных богатств и от народного производительного труда при соблюдении разумной бережливости, постоянно соединять заботы об увеличении производительных сил Государства с заботою об удовлетворении нужд народа. Таковы должны быть цели желательных преобразований» [10].

П.Л. Барк, получивший царский указ, размышлял о прочитанном довольно долго, так долго, что лишь 11 марта соизволил отреагировать, да и то весьма странным образом: в разосланном циркуляре он рекомендовал своим акцизным

чиновникам на местах «относиться с полной благожелательностью к ходатайствам сельских обществ о закрытии или недопущении торговли крепкими напитками, неуклонно удовлетворяя все законно состоявшиеся о том приговоры», и вменил им в обязанность «использовать все силы и все предоставленные законом пути» для искоренения тайной торговли питьями [11].

И все. И на этом его меры, направленные на защиту императорских верноподданных от водки, исчерпались.

Хуже того, 24 апреля 1914 г. Государственным Советом и Государственной Думой был одобрен «Закон Российской Империи о виноградном вине», который, как утверждалось, был «проникнут сознанием необходимости дать возможность потребителю иметь натуральное виноградное вино» [12].

И Николай II, – давно ли утверждавший – «с глубокой скорбью Мне приходилось видеть печальные картины народной немощи, семейной нищеты и заброшенных хозяйств – неизбежные последствия нетрезвой жизни» [13] – на подлиннике этого Закона «Собственною Его Императорского Величества рукою» начертал: «Быть по сему». И этой же, «Собственною Его Императорского Величества рукою», год всего лишь тому назад на заявлении, поступившем от имени 1800 церковных обществ трезвости, выводил: «Прочел с удовольствием и желаю всемерного распространения по всей земле Русской трезвенного движения» [14].

Какая ж все-таки *плюралистическая* желалка была у этого последнего нашего Государя! И не зря, видимо, на гербе романовской династии – орел двуглавый: нипочем под одной черепной коробкой, без опаски тронуться умом, не повенчать шкурную политику алкоголизации с благородной политикой всенародного отрезвления.

И уже одно только это было б не лишним осознать нашим трезвивцам, не в меру восторженным, склонным к идеализации особ, имеющих отношение к государственной власти. Было бы не лишним понимать, что представители власти просто в силу своего положения и взаимозависимости неспособны пойти на полное устранение алкоголя из общества. Неспособны по целому ряду причин. Единственное, что от них можно ожидать, так это – временное и частичное ограничение циркуляции алкоголя в обществе. Что мы и наблюдали в России в предвоенное время. Но, опять же, не следует даже эти, реальные шаги, изображать, ни как «результат борьбы передовой русской интеллигенции», ни как некую добрую волю восседающих во властных структурах, т. к. законы, которыми устанавливались определенные *ограничения* на алкогольную торговлю, были приняты *во всех воюющих странах в связи с их участием в Первой мировой войне*. Поэтому, как мне думается, есть существенное основание для того, чтобы несколько попритушить наши излишние притязания на исключительность в сфере антиалкогольных мер. Кстати, наши известные ученые Ю.П. Лисицын и Н.Я. Копыт в своей известной книге «Алкоголизм», касаясь данной темы, даже несколько увлеклись и написали, что будто бы в странах-участницах был введен закон «*о полном запрещении* продажи алкогольных напитков (1914–1918)» [15]. Конечно, если б так оно и было б, – полный запрет да во всех странах, – то зачем бы о мерах, принятых в России, и несколько бо-

лее суровых, чем в той же Франции, британский министр финансов Д. Ллойд-Джордж сказал: «Это самый величественный акт национального героизма, какой я только знаю»?

С другой же стороны, и в этом, отчасти, лейтмотив моей очередной статьи, необходимо и тут не слетать с трезвой позиции, и не тащиться на поводу у тех, кто утверждает, будто бы закон был принят «*о полном* запрещении».

О каком *полном* запрещении можно говорить, если, как подметил один из самых добросовестнейших исследователей данной темы – С.Н. Шевердин, временный запрет на торговлю водкой, введенный 19 июля 1914 г. на время мобилизации, «не касался продажи церковного вина в храмах и всех видов спиртных напитков в питейных заведениях, посещавшихся представителями состоятельных классов и сословий (ресторанах первого разряда и буфетах при собраниях и клубах)» [16]?

Об этом же писал в 1915 году и Н. Коломаров: «...рабочие, когда впервые, в начале войны, была запрещена продажа водки, а оставлены вина с пивом и продажа напитков в ресторанах 1-го разряда, протестовали против такого способа борьбы с пьянством, горячо высказываясь тогда же за меры настоящей борьбы в смысле полного запрета» [17].

А поскольку *полного запрета* не было, то совершенно правы и такие исследователи, как И.В. Курукин и Е.А. Никулина, считающие, что принятые в июле «меры отнюдь *не означали введения «сухого закона»* [18].

И совершенно прав историк А.В. Николаев: «В литературе часто указывается на то, что с началом первой мировой войны в стране был введен «сухой закон». Данная точка зрения нам кажется ошибочной. Как такового, «сухого закона» вообще не было, его никто не вводил» [19].

Итак, «сухого закона» не было, но «утка» о нем запущена была, и запустил ее в общественное сознание – заведующий лечебницей для алкоголиков и душевнобольных И.Н. Введенский, написавший в своей брошюре «Опыт принудительной трезвости»: «В истории антиалкогольного движения 1914 год останется одной из знаменательнейших дат. Одновременно с началом Великой Европейской войны ... страна с полуторастами миллионным населением ... вдруг отрезвела, как по волшебству. Государство приостановило деятельность монополии, бывшей главным источником его дохода... <...>

...19 июля 1914 года Россия одержала победу над врагом гораздо более страшным, чем враг внешний» [20].

Оч-чень ярко, сочно, красноречиво! Но, какую, скажите Христа ради, победу одержала Россия **19 июля** 1914 года, и что там государство приостановило, и о каком «полном прекращении торговли алкоголем в день мобилизации» мы до сих пор бездумно трындим, как попки-попугаи, если **27 июля** 1914 г. принимается, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой, закон «О некоторых мерах к усилению средств казны в виду обстоятельств военного времени» [21]?

Этим законом Совету Министров предоставлялось право:

«1) установить во всех местностях, где введена казенная продажа питей, цены на вино в размерах, не превышающих следующих высших предельных цен:

а) для очищенного вина крепостью в 40° – 12 рублей 80 копеек за ведро; б) для ректифицированного спирта – в 32 копейки за градус, и в) для вина высшей очистки (столового) и водочных изделий – в 16 рублей 80 копеек за ведро;

2) акциз с вина и спирта, выкуриваемого из всякого рода припасов, кроме выкуриваемого на фруктово- и виноградно-водочных заводах из виноградных материалов и сырых фруктов и ягод всякого рода, взимать в размере не свыше 20 копеек с градуса ($\frac{1}{100}$ ведра) по металлическому спиртомеру или не свыше 20 рублей с ведра безводного спирта;

3) акциз с выкуриваемого на фруктово- и виноградно-водочных заводах спирта из виноградных материалов и сырых фруктов и ягод всякого рода взимать в размере не свыше 14 копеек с градуса ($\frac{1}{100}$ ведра) по металлическому спиртомеру или не свыше 14 рублей с ведра безводного спирта;

4) акциз с пивоварения взимать в размере не свыше 3 рублей с пуда поступающего в затор солода;

5) с пивоваренных заводов, производящих затирание солода с применением ручного способа или тяги животных и перерабатывающих в течение отчетного года не более двух тысяч пудов солода, взимать акциз в размере не свыше двух рублей 30 копеек с пуда учтенного солода».

Более того, *31 июля 1914 года* Министр Финансов П. Барк подписал циркуляр № 2326 Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей управляющим акцизными сборами «*О повышении размеров акциза с вина и спирта и пивоварения*» [22]!

Если, как утверждают мистификаторы истории, в связи с начавшейся войной была полностью прекращена торговля алкоголем, зачем же тогда повышать акциз на то, что уже запрещено производить?

Далее, 9 августа 1914 года Совет министров, обсудив представленные действительным статским советником Барком соображения,

«положил:

Предоставить Министру Финансов:

1) разрешать на определяемых им условиях продажу, с 16 текущего августа, виноградного вина и денатурированного спирта, с соблюдением указанных в настоящем журнале Совета Министров ограничений, и

2) продлить сроком до 1 сентября сего года существующее воспрещение на вынос всех прочих, – кроме указанного в п.1 виноградного вина, – крепких напитков, а равно действующие в отношении распивочной ими торговли ограничительные постановления» [23].

Речь, обратите внимание, идет о запрете *на вынос*, а не о запрете пьянства в ресторанах 1-го разряда.

Далее, целый легион фальсификаторов, в том числе, и невольных фальсификаторов, т.е. тех, кто слепо поверил явно врущим, утверждает, что «сухой

закон» якобы установленный в связи с мобилизацией, был пролонгирован 22 августа 1914 года, т.к. Государь Император «Высочайше повелеть соизволил: существующее воспрещение продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи продолжить впредь до окончания военного времени» [24].

Обратим, уважаемый читатель, особое внимание на эти лукавые словечки – «*существующее воспрещение*». Только *существующее*, т.е. ничего нового *к уже существующему* не добавлено! А это означает, что, как и прежде, пьем вино в ресторанах, торгуем вином церковным, реализуем портвейн и коньяк через аптеки, варим пиво и брагу дома... И все это, заметьте, тогда существовавшее, сегодня протаскивается в современное информационное пространство под видом «*сухого закона*»?!

Сразу же после июльской антиводочной инициативы Государя, в Адмиралтейств-совете (председатель И.К. Григорович) прошли соответствующие дебаты, и... большинство адмиралов высказалось *за сохранение чарки водки на флоте*?!

Не лучшим образом дело обстояло и в армии: через несколько дней после того, как в морском ведомстве было решено проигнорировать царскую инициативу, по военному ведомству выходит приказ № 309, подписанный военным министром, генерал-адъютантом Сухомлиновым: «Государь Император в Своих непрестанных заботах о благе армии, дабы оградить ее от признанных опытом и наукою вредных последствий употребления спиртных напитков и охранить в ней вящую силу, здоровье и твердость духа, столь необходимый для боевой готовности, как в мирное, так и в военное время, Высочайше повелеть соизволил принять к неуклонному исполнению прилагаемые у сего «Меры против потребления спиртных напитков в армии» [25].

И каковы же были эти «Меры против потребления»?

«5. Офицерские собрания не должны служить местом для кутежей, в силу сего:

- а) подача спиртных напитков допускается только во время завтрака, обеда и ужина, в часы, точно установленные командиром части;
- б) открытых буфетов с выставкой вин и закусок не должно быть;
- в) спиртные напитки во всех случаях подаются только на наличные деньги и на дом не отпускаются» [26].

Кстати, этот документ или, если сказать точнее, эту карикатуру, мы находим в качестве Приложения 40 и к действующему Уставу внутренней службы, изданного Товариществом «В.А. Березовский» в 1916 году.

И, конечно, с точки зрения наших «сухозаконников», пить «только во время завтрака, обеда и ужина, в часы, точно установленные командиром части», это и есть «сухой закон»!

А далее и того хуже! 1 сентября 1914 года Государь Император собственною рукою утвердить соизволил Положение Совета Министров «Об изменении

порядка открытия в городах пивных лавок, а также оптовых складов пива и меда».

Какой же порядок *изменил* данным своим Положением СМ?

Читаем:

«1) действие примечания 1 к ст. 558 Уставов об Акцизных Сборах (Св. Зак., т. V, по прод. 1912 года) отменяется и

2) правила, упомянутой статьей 558 Уставов об Акцизных сборах (изд. 1901 года) установленные, распространяются на существующее уже в городах пивные лавки и оптовые склады пива и меда со дня истечения срока выданных владельцам их, до обнародования настоящего постановления, патентов на производство торговли» [27].

Что такое «примечание 1 к ст. 558»? Смотрим Устав об Акцизных Сборах:

«Примечание 1 (по Прод. 1906 г.). Оптовые склады пива и меда и пивные лавки открываются в городах по выборке установленного патента, без соблюдения порядка, указанного в статье 558» [28].

Т.е., теперь «оптовые склады пива и меда и пивные лавки» могли открываться в городах уже *без соблюдения порядка, указанного в статье 558*.

Каков же был он, этот порядок согласно ст. 558?

Ст. 558: «Указанным в предшедшей (557) статье порядком открываются оптовые склады пива, меда и русских виноградных вин, коньячные склады, пивные лавки, погреба для продажи русских виноградных вин, ренсковые погреба в городах и временные выставки для продажи пива, меда и русских виноградных вин (ст. 555 п.2, а, б, г-ж). Ренсковые погреба вне городских поселений открываются не иначе, как с особого каждый раз разрешения Министра Финансов. Буфеты с продажей крепких напитков на вечерах, базарах и гуляньях, имеющих благотворительную или иную общепользную цель, открываются с разрешения Губернаторов, по уплате установленного для сего патентного сбора» [29].

И ст. 557:

«Казенные винные лавки открываются по соглашению Управляющего акцизными сборами с Губернатором. В случаях, если между Губернатором и Управляющим акцизными сборами не последует соглашения, возникшее разногласие разрешается с Министром Внутренних Дел» [30].

Ну и, на всякий случай, еще ст. 555 Устава об Акцизных Сборах:

«Места продажи питей суть:

1) (по Прод. 1906 г.) казенные: а) склады (ст. 552), б) винные лавки и в) запасные магазины;

2) содержимые частными лицами: а) оптовые склады пива, меда, а также русского виноградного вина; б) коньячные склады; в) заведения трактирного промысла; г) пивные лавки; д) погреба для продажи русских виноградных вин; е) ренсковые погреба, и ж) временные выставки для продажи пива, меда и русского виноградного вина» [31].

Таким образом, теперь *уже существующим* в городах пивным лавкам и оптовым складам пива и меда не нужно было испрашивать разрешение Министра Финансов или Губернатора. Положение СМ, фактически, *продлировало* действие уже существующих патентов!

Ну, о-очень, согласитесь, большой шаг в деле сухозаконничества! Настолько большой, что новый порядок дал спаивателям то, чего не было даже в довоенное время!

Далее, мы много слышим похвал в адрес тогдашней власти, которая снизошла, наконец-то, до благого дела – предоставила право местного запрета органам местного самоуправления, и этим правом якобы благодарный, обрадованный и образумившийся народ не преминул повсеместно воспользоваться и, как напишут год спустя депутаты Государственной Думы IV созыва: «Сказка о трезвости, этом преддверии земного рая, стала на Руси правдой» [32].

Вне всякого сомнения, красиво выразились депутаты, но сказка, даже ставшая правдой, это ведь всего лишь большая сказка, чья природа метафорично-призрачна и иллюзорна...

Обратимся же к документу.

Документ Совета Министров, утвержденный Государем Императором 27 сентября 1914 года, о котором мы сейчас ведем речь, назывался «О сроках прекращения торговли крепкими напитками по ходатайствам о том сельских и городских общественных управлений». И уже из его названия следует, что, во-первых, Совет Министров, приняв Положение, тем самым самоустранился от проведения политики отрезвления, а, во-вторых, власть подтверждает, что до принятия этого документа, т.е. до 27 сентября 1914 г. в России продавались «крепкие напитки». А если продавались, и *продавались на законном основании*, то *о каком же «сухом законе» можно говорить?*

Чтобы не было кривотолков, размещаю обсуждаемый документ полностью:

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ.

О сроках прекращения торговли крепкими напитками по ходатайствам о том сельских и городских общественных управлений.

Совет Министров полагал, на основании статьи 87 Основных Государственных Законов (Св. Зак., т. I, изд. 1906 г.) в изменение, дополнение и отмену подлежащих узаконений, постановить:

1) Волостным, гминным, станичным, сельским, селенным, хуторским, аульным и другим заменяющим их сходам и сборам, а в городах и посадах – городским думами и заменяющим их учреждениям, предоставляется возбуждать, установленным порядком, выраженные в законно состоявшихся постановлениях и приговорах, ходатайства о воспрещении в состоящих в их ведении местностях, а также на расстоянии ста сажень от границ означенных местностей, – продажи крепких напитков.

2) Продажа питей прекращается, по ходатайствам о том перечисленных выше (ст. 1) учреждений, распоряжением местного управляющего акцизными сборами, по соглашению с подлежащею административною властью, в порядке статьи 557 Уставов об Акцизных Сборах (Св. Зак., т. V, изд. 1901 г. и по Прод. 1912 г.), начиная со дня истечения выданных в данной местности на производство торговли питьями разрешений, но, во всяком случае, не позднее *трех месяцев* со дня поступления соответствующих ходатайств.

3) Разрешения на право торговли питьями выдаются частным лицам на срок не свыше одного года.

4) Срок разрешений на право торговли питьями, выданных до издания настоящего постановления, оканчивается 31 декабря 1914 года.

5) При закрытии, по ходатайствам о том сельских и городских общественных управлений: (ст. 1), частных мест продажи питей до истечения срока (ст. ст. 3 и 4) выданного на право производства таковой разрешения, владельцам этих мест возмещаются, – в причитающейся им, по расчету времени, части, – внесенные за право производства торговли платежи.

Государь Император, в 27 день сентября 1914 года, на положение Совета Министров Высочайше соизволил [33].

Далее, Высочайше утвержденным положением Совета Министров с 1 ноября 1914 года была разрешена продажа пива и портера «на вынос», и даже «в местностях, состоящих на военном или осадном положениях» [34].

11 ноября 1914 г. на свет появляется Высочайше утвержденное положение Совета Министров «О повышении акциза с пивоварения» [35]...

Пиво варят, пиво продают, пиво выпивают и все это – **на законном основании**. И, несмотря на это, мы заявляем, что в России действует «сухой закон»?

Да... трезвы ли вы, утверждающие это?!

Мои бодрые оппоненты на мой, в общем-то, риторический вопрос, вполне горазды ответить и своим, вполне уместным вопросом: если «сухой закон» – выдумка, следует ли считать тем же самым и все написанное Иваном Николаевичем Введенским (1875–1960) в брошюре «Итоги принудительной трезвости»? Например, Введенский, заведующий лечебницей для алкоголиков и нервнобольных, в 1915 году утверждал:

«Оказалось, что закрытие казенных винных лавок и вообще запрещение торговли крепкими напитками и их суррогатами повлекло за собою уменьшение числа душевнобольных. <...>

Сообщения о резком падении преступности в результате отрезвления очень многочисленны и определены. <...>

По сведениям земских статистических бюро, страшное зло русской деревни – горимость, резко уменьшилось. <...>

К этой же области изменений надо отнести уменьшение несчастных случаев на фабриках и заводах и на железных дорогах, число строительных катастроф в Москве понизилось на 80%. <...>

О росте благосостояния трудового населения можно судить по тому, что с июля по октябрь 1913 года было внесено в московские сберегательные кассы 3 250 000 руб., тогда как за этот же период в 1914 г. внесено 6 000 000 руб.» [36].

Все это – выдумка или же эти красноречивые данные о чем-то говорят?

Говорят, но... *о чем?*

Прежде всего, о том, что антиалкогольные, ограничительно-запретительные меры *на первом этапе* действительно способствуют снижению негативных последствий питья и проявлению, раскрытию всего того позитивного, что присутствует в жизни народа, государства и каждого отдельного гражданина. Но *уменьшение* числа душевнобольных, *резкое падение* уровня преступности, *снижение* числа сгоревших строений и т.п. *не является* вместе с тем еще и основой для наших заявлений о том, будто бы в стране воцарился «сухой закон», и что страна одержала некую победу и какая-то сказка стала, наконец-то, правдой.

Дело в том, что любое резкое изменение привычного хода жизни, – а начало мировой войны именно такое изменение, – вносит, и порой очень серьезные, коррективы в привычные реакции. Резкое изменение привычного хода жизни вызывает в социуме порой настолько сильное состояние дистресса, что его симптоматика сохраняется до полугода – расстройство адаптации с преобладанием нарушения привычного поведения, и инстинктивным возвратом к естественному, магистральному поведению, отвечающему природной человеческой сущности: резко снижается уровень преступности, заболеваемости, потребления алкоголя и т.п. Причем, подобное состояние возникает не только при смене картин реальности – вчерашних и сегодняшних – даже отдаленные, ожидаемые изменения грубо вторгаются в мироощущение народа, и вызывают то, что в 1970 году американский социолог, один из авторов концепции постиндустриального общества, Элвин Тоффлер назвал таким термином, как *футурошок*. Футурошок – реакция общества на грядущие изменения.

Именно это мы имели и в июле 1914 года – начало войны, совпавшее с введением строгого режима ограничений на торговлю алкоголем.

Подобное же страна переживала и в 1894 году, когда по инициативе министра финансов С.Ю. Витте в России была установлена монополия на спирт: спирт, производимый на винокуренных заводах, скупался казной, и продавался в государственных питейных заведениях. Цель, которая при этом преследовалась, была озвучена С.Ю. Витте в докладе от 11 июля 1894 года: «казенная питейная монополия даст возможность совершенно изъять торговлю питеями из

рук евреев и таким образом послужить решительным шагом на пути освобождения местного христианского населения из-под еврейской зависимости» [37].

И мнилось при этом очевидно Сергею Юльевичу, что свершает он дело благое и великое, но донимали его при этом еще и сомненьица, избавления от которых ради обратился он в январе 1897 года к представителям местной власти восточных и южных губерний с просьбою сообщить о том, насколько по их личному мнению, оказался успешным его мартышкин труд.

И мнения посыпались как из рога изобилия.

Митрополит С.-Петербургский и Ладожский:

«Ныне действующая система питейной торговли оказывается предпочтительнее прежней. Она более ограждает нравственность и здоровье народа от вредных последствий потребления вина дурного качества и от неумеренного употребления крепких напитков вообще и приносит значительную пользу экономическому благосостоянию народа» [38].

Митрополит Киевский и Галицкий:

«Введенная в Киевской губернии в 1896 году казенная продажа вина и по настоящее время продолжает оставаться благодетельною для народа формой в смысле ограничения в среде его пьянства, а следовательно, и в смысле того доброго влияния, которое она умела внести в народную жизнь в нравственном и материальном отношениях» [39].

Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор:

«Винная лавка, бесспорно, стоит несравненно выше, чем прежний кабак, и население пьет теперь лучшую водку, чем прежде. Нет никаких данных, указывающих на вредное влияние винной монополии... О дурных сторонах казенной продажи питей я сведений не имею» [40].

Епископ Кишиневский и Хотинский:

«Из полученных донесений благочинных видно, что трехлетнее применение казенной продажи вина оказало на народную жизнь как в нравственном, так и в материальном отношениях, вполне благотворное влияние» [41].

Архиепископ Холмский и Варшавский:

«С закрытием кабаков и с прекращением праздничной продажи вина, народ проводит праздничные дни в храме Божьем, а вечера в школах... По деревням не слышно шума, прекратились драки, уменьшилось воровство и другие пороки. Свободную копейку, за неимением возможности свободно пропить ее, крестьянин обращает на улучшение хозяйства и домашние надобности или жертвует на храмы. По отзывам некоторых священников, сами крестьяне с радостью приветствуют мудрую меру правительства, выражая сожаление, что она не была принята раньше» [42].

Виленский губернатор:

«...замечается уменьшение, почти наполовину, числа случаев бесчинств, буйств и драк в публичных местах и числа арестованных за таковые бесчинства. Так, например, собранными цифровыми данными установлено, что в городе Вильне число полицейских проступков сократилось в два раза: в 1896 году таких проступков было зарегистрировано 1841; в 1897 году 1398, а в 1898 году всего 912. Вместе с сим уменьшилось число случаев базарных краж лошадей и

другого имущества, а также сократилось, в крестьянской и особенно в городской рабочей среде, число прогульных дней» [43].

И т.д., и т.п.! Четыреста страниц!

Ну, все, как у г-на Введенского! Но... если бы наши «сухозаконники», абсурдисты-мистификаторы набрались бы терпения и дочитали брошюру «Опыт принудительной трезвости» до странички 13-ой, то и они, вне всякого сомнения, обрели бы и должную трезвость ума, поскольку именно на этой страничке И.Н. Введенский резко меняет тон изложения на прямо противоположный: «До сих пор, – пишет он, – мы имели дело с *положительными* результатами запрещения спиртных напитков» [44].

И вот – не положительные:

«Алкоголь играл слишком большую роль в нашей жизни, чтобы внезапный переход к трезвости прошел легко и безболезненно. <...>

Отравление денатуратом и другими суррогатами, представлявшее до войны явление сравнительно редкое, сразу резко возросло с первых же дней трезвости и имеет, по-видимому, склонность все увеличиваться.

По данным, собранным докторами Кузнецовым и Лукиным, в Петроградской Обуховской больнице с 16 июля по 1 декабря 1914 г. было зарегистрировано 1 020 случаев отравлений; из них 606 отравлений денатуратом, 372 политурой и 42 другими различными суррогатами спирта. <...>

С 23 августа, когда была разрешена продажа виноградного вина и денатурированного спирта, по 30 августа оно уже достигло 59. В следующую неделю число отравлений достигло 87, затем – 88 и в третью неделю сентября – 115, т.е. даже превысило число поступлений пьяных до запрещения продажи водки» [45].

Таким образом, люди пьют вино и денатурат, причем, *на законном основании*. И это – «сухой закон»?

А положением Совета Министров, Высочайше утвержденным 13 октября 1914 г., к продаже допускается еще и пиво не свыше 3,7°... [46]

Выше мы уже говорили о том, что закон – это просто директива верховной власти, но директива, отражающая волю большинства. Только в этом случае закон жизнеспособен и имеет перспективы существования.

Было ли это большинство – трезвое большинство – в 1914 году, если не в Москве и не в Питере, а в глухой сибирской казачьей станице Сретенске (Забайкальской обл.) по данным инспектора сретенского городского училища среди учащихся до 13 лет не пьющих совсем было всего лишь 7%, и только 5% отцов и матерей вели трезвый образ жизни [47]?

И что же в те годы происходило в городе, пьющем, как утверждают документы тех лет, значительно больше, чем село?

Идем дальше. Быть может, в 1915 году что-то круто изменилось?

1915 год начался с того, что *законность* пивоварения в стране была, фактически, подтверждена принятием сразу двух постановлений министра финансов:

1. Постановление «Об установлении срока взимания повышенного акциза с пивоварения» от 17 января 1915 г. за № 135 [48].

2. Постановление «О применении Высочайше утвержденного, 11 ноября 1914 года, положения Совета Министров о повышении акциза с пивоварения» от 22 января 1915 г. № 205 [49].

В таком случае, вопрос: если пиво производится, продается и потребляется *на законном основании*, это и есть – «сухой закон»?

И если он *уже есть*, то зачем же что-то менять, верно? Мы же *уже* получили желаемое. В таком случае, какого рожна в том же, в 1915 году, в городскую думу Самары обращалась депутация из двадцати врачей, требуя *искоренить пивную и винную продукцию*, называя производство пива и вина «заговором против России»? Речь в данном случае шла и о закрытии Жигулевского пивоваренного завода [50].

В феврале 1915 г. состоялся очередной съезд заводчиков Северо-Западного края, – представители 640 винокуренных заводов Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилёвской и Витебской губерний, – которые были озабочены *не тем, что происходило в текущем году*, они были озабочены тем, что *может* случиться вынужденная приостановка винокурения в связи с *предполагаемой* отменой приема спирта по продразверстке 1916 г. И поэтому *на всякий случай* составляли соответствующее ходатайство, и обсуждали возможность возбудить перед Советом Министров вопрос об оказании «пособления на покрытие убытков и расходов, которые проистекут от вынужденного простоя заводов» [51].

Далее, 14 июля 1915 г. выходит Высочайше утвержденное положение Совета Министров «Об установлении с виноградных, плодовых, ягодных и изюмных вин:

«1) Акцизу подлежат: виноградные, плодовые, ягодные и изюмные вина, как производимые внутри Империи, так и привозимые из-за границы; последние облагаются акцизом независимо от оплаты их установленною таможенной пошлиною.

2) Не подлежать платежу акциза: а) виноградные, плодовые и ягодные вина, производимые для домашнего потребления, б) в районе виноделия (ст. 8) – виноградные вина местного производства, кроме отправляемых за пределы этого района или продаваемых в нем в черте городских поселений, и в) виноградные вина внутреннего производства, приобретаемые для религиозных целей церквами и монастырями христианских исповеданий» [52].

И в развитие данного положения выходит инструкция, подписанная Министром Финансов П. Барком, которая предписывает:

«§ 1. *Выделка вина* из винограда, плодов и ягод для собственного потребления *повсеместно производится без особого разрешения и выборки патента*, и выделанное с этою целью *вино платежу акциза не подлежит* (выделено мной. – Е.Б.).

§ 2. Приготовление для продажи плодовых и ягодных вин повсеместно, а виноградных вин вне района виноделия допускается в особо устроенных для того заведениях только по разрешениям, выдаваемым по соглашению с Губернаторами, Управляющими акцизными сборами, при условии выборки патента, установленных для погребов русских виноградных вин.

§ 3. В районе виноделия приготовление виноградных вин для продажи производится без особого со стороны акцизного надзора разрешения и выборки патента» [53].

Презабавна позиция государства: то чуть подзапретит, то чуть подразрешит... Представляется очевидным, что авторы подобной политики просто были неспособны предвидеть итоги своих же собственных решений. Глупо думать, что, не дав напиться пьющим в первом полугодии и упоив их же во втором, вы, тем самым, намного продвинетесь в деле отрезвления народа.

Но если и в 1915 году пиво и вино производились *на законном основании*, то можно ли утверждать, что в 1915 году в России был «сухой закон»?

Хуже того! Когда 3 августа 1915 г. в Государственную Думу поступило Законодательное предположение 82 членов Государственной Думы «Об утверждении на вечные времена в Российском государстве трезвости», которым так любят потрясать наши «сухозаконники», то оно по просьбе самих же подписантов было передано «на заключение по вопросу о желательности» [54] в комиссию о народном здравии, где и пропылилось благополучно до 1917 года включительно.

И, слава богу, что пропылилось, так как ничего, кроме позора делу трезвости оно дать не могло, поскольку оно само же не столько на самом деле утверждало трезвость на вечные времена, сколько позволяло желающим спаивать и пьянствовать на совершенно законном основании:

«2. Необходимое для лечебных, хозяйственных и технических надобностей количество всякого рода спирта изготавливается с разрешения и по разверстке правительственной власти и отпускается из аптек, казенных лавок или специальных складов по рецептам врачей или особым разрешениям, выдаваемым общественными учреждениями.

3. Необходимое для лечебных целей и при отправлении богослужения количество виноградного вина отпускается из аптек, казенных лавок или специальных складов: в первом случае – по рецептам врачей, а во втором случае – по разрешениям, выдаваемым духовною властью.

6. Денатурированный спирт, спиртные препараты и всякого рода материалы, изготовленные на спирте, допускаются к продаже в частных торговых предприятиях и отпускаются только по разрешительным свидетельствам или книжкам, выдаваемым подлежащею властью» [55].

Согласитесь, пункты 2, 3 и 6 из документа, имевшего довольно претенциозное название «Об утверждении на вечные времена в Российском государстве трезвости», к которому имели самое непосредственное отношение известные

депутаты Евсеев и Макогон, – это наилучшая программа не утверждения трезвости на вечные времена, а ликвидации трезвости.

Впрочем, то ли по злему умыслу, то ли по недомыслию, но в действующее законодательство уже были вмонтированы прорехи, благодаря которым, в частности, в аптеках появились «целебная» перцовая настойка, крепкий «киндербальзам», возник повышенный спрос на одеколоны, на калгановые, анисовые и др. капли, содержащие до 90% спирта...

О масштабах проблемы, возникшей к концу 1915 года в аптечном ведомстве, можно судить хотя бы по таким данным:

«Количество проданного из 150 аптек Петрограда за год войны переработанного спирта достигает 80 000 ведер чистого спирта, что составляет до 3 200 000 бутылок водки на сумму 6,5 миллионов рублей; если же присчитать около 1 000 магазинов, усиленно продающих «одеколон», то приведенные числа придется утроить и даже учетверить» [56].

Еще несколько цифр:

«В 1915 г. Тамбовским акцизным управлением было отпущено по пониженным ценам спирта:

а) на выделку водочных изделий 5 600 вед.;

б) на выделку парфюмерных изделий 137,5 вед.;

в) для ученых и учебных целей – 21,05 вед.;

г) земским и иным общественным аптекам 55 772,55 вед.;

д) частным аптекам – 7 741,51 вед.;

е) больницам, лазаретам и лечебницам Красного Креста – 1 730,7 вед., а всего 12 700,1 вед. на сумму – более 100 тыс.» [57].

И это все, как вы понимаете, дополнительно к разрешенному пиву и вину.

Не лучшим образом обстояло дело и с денатуратом, продажа которого была разрешена еще в 16 августа 1914 года [58]. (Денатурат – этиловый спирт-сырец, окрашенный в сине-фиолетовый цвет, и содержащий вещества, придающие ему неприятные запах и вкус). Вот лишь один факт:

«Если с августа 1913 г. по август 1914 г. в Петрограде было продано 695 696 ведер денатурата, то с августа 1914 г. по август 1915 г. – 1 009 214 ведер» [59].

Тенденция, прямо скажем, неважнецкая.

Однако (и тут мы совершенно согласимся Мендельсоном) «не нужно преувеличивать значение этих новых форм пьянства. Статистика показывает, что потребителями денатурата и политуры являются главным образом глубокие пропойцы, которые и при свободной продаже питей опивались водкою и умирали от опоя» [60].

Соответственно, при проведении курса на отрезвление России, нужно заботиться не о маргиналах, а о том, чтобы при исчезновении маргиналов уже существующих, не появлялась орда новых. И еще нужно мочь невозмутимо игнорировать ту часть интеллигенции, которая поднимает дружный, хорошо организованный и хорошо оплаченный вой, по поводу страшных результатов возникающих в стране от перехода к нормальному и естественному, здоровому и трезвому образу жизни – о самогоноварении, о поддельной, «палёной» водке,

о пристрастившихся к алкогольным суррогатам, и, конечно же, к клею «Момент», и к сапожной ваксе, и о большом числе смертей среди пенсионеров и работоспособного населения... Нужно понимать, что никакие подпольные самогонщики, никакие «левые» производители контрафактной водки и прочего пошла не способны истребить такое великое количество народа, каковое сегодня истребляют отечественные производители-бизнесмены на совершенно законном основании с помощью совершенно легальной отравы.

Никакое самогоноварение и поглощение суррогатов по количеству смертей не способно сравниться с количеством смертей от легального алкоголя.

Это, во-первых.

И, во-вторых, нужно понимать, что Алкогольная мафия, даже при поддержке все той же наиподлейшей части интеллигенции, охотно окультуривающей наиполнейшую дичь – поглощение яда, и даже если не изъят из циркуляции в обществе денатурат, самогон и одеколон, не сможет с помощью одеколона, самогона и денатурата рекрутировать в стадо алкогольных наркорабов ни молодежь, ни тех, кто еще не допился до позорной надобности отшибать свое собственное самосознание и самоощущение.

Ведь совершенно же прав был В.Г. Жданов, когда треть века тому назад говорил так:

«Главными врагами трезвости в нашей стране являются не водка, главный враг трезвости не алкоголик, который в луже под забором валяется. Главные враги трезвости это пиво и вино.

Был бы я, как говорится, директором, первое, что я бы сделал, я бы запретил производство пива и вина.

Добился бы я чего-нибудь в области борьбы с пьянством? Нет, не добился. Сколько пьяницы пили, столько б и пили... Но в борьбе за трезвость я бы совершил колоссальный скачок вперед. Почему?

У меня бы перестали пить дети – дети пьют только пиво и вино, водку дети не пьют. У меня перестала бы пить молодежь, которая пьет пиво и вино. У меня бы перестали пить 90% женщин, ведь не все еще женщины допились, чтобы со стакана эту водку хлестать.

Так, товарищи, у меня б через 3–4 месяца появилось 75–80 % трезвых людей в стране. Как вы думаете, эти трезвые люди дали бы этим пьяницам дальше позорить нашу жизнь?! Да никогда!» [61].

И совершенно прав был доктор Мендельсон: «...народные массы не пьют денатурата и пить его не будут, а предаются денатуратному пьянству сравнительно немногочисленные пропойцы, т.е. неизлечимые алкоголики, все равно обреченные на гибель... Зато широкое распространение таких напитков, как пиво, доступное по цене и фабрикуемое в любых количествах, поведет к массовому потреблению и создаст в России, только отдохнувшей от водочной отравы, новый вид алкоголизма – пивное пьянство...» [62].

И если мы не будем создавать новых пивных и винных пьяниц, то алкогольная проблема даже, повторяюсь, при наличии и доступности алкогольных суррогатов, сама собою сойдет на нет. Тут, быть может, уместно вспомнить о

легенде, гласящей: Моисей 40 лет водил свой народ кругами по Синайской пустыне, ожидая, когда отдаст богу душу последний помнящий о египетском рабстве, с тем, чтобы в землю обетованную вошли только свободные люди. Отсюда: нужно водить народ по пустыне, где царит «сухой закон», пока не «отбросит копыта» последний проповедник алкоголизации; пока не издохнет последний нарколог, убеждающий людей в том, что алкоголь якобы вызывает эйфорию; пока не околеет последний бывший торговец последнего винно-водочного магазина, подсовывающий несведущим людям ядовитые смеси под видом напитков; пока не скончается последний алкаш, помнящий об алкогольном рабстве...

И для этого не имитацией «сухого закона» нужно заниматься и, бездумно подыгрывая спаивателям, называть туфту «сухим законом», а смело его вводить. Поскольку совершенно прав был доктор А. Мендельсон: «Только *полное* устранение спиртных напитков, прекращение продажи и потребление их, – *единственный* путь, по которому можно идти в борьбе с пьянством» [63].

Кроме того, важно понимать, что люди пьющие делятся на две категории:

1. употребляющие «слабый алкоголь» (пиво, вино);
2. употребляющие «крепкий алкоголь» (самогон, водка).

Первые, употребляя спиртное, стремятся с помощью питейного ритуала подать сигнал окружающим – «я – свой, я – один из вас», а с помощью самого алконаркотика, обладающего нервно-паралитическим действием, еще и понизить имеющийся *уровень тревожности*.

Вторые же, употребляя алкоголь, стремятся за счет данного яда устранить *уровень страха*, и вместе с тем, подать окружающим сигнал бедствия.

Потребление «крепкого алкоголя», в которое неизбежно выливается потребление «слабого алкоголя», вполне можно рассматривать еще и как разновидность медленного самоубийства, т.е. аутоагрессии. В основе же любой агрессии, равно как и направленной против себя самого, всегда пребывает страх:

страх→ненависть→аутоагрессия

Причиной страха, в свою очередь, как, впрочем, и причиной повышенной тревожности (беспокойства) могут быть и чувство невыносимой душевной боли, и чувство изолированности от общества или же от конкретных людей, и невозможность самореализации, и ощущение безнадежности, и беспомощности...

И алкоголь в данном случае, выступает, как *средство защиты* и от факторов вызывающих беспокойство (страх), и от самого беспокойства и страха.

Очень хорошо об этом опять же написал доктор Мендельсон: «К сожалению, тяжелые условия жизни толкают слабовольную народную массу к устранению неприятных ощущений путем самоопьянения; таким путем устраняются не сами тяготы жизни, а лишь их отражение в психике» [64].

Отсюда, цель трезвеннического движения, – если, конечно, это еще и этическое движение, – заключается не только в том, чтобы поставить питье спиртного на один уровень с такими позорными явлениями, как людоедство,

некрофилия, беспоклонничество, не только заклеить человеконенавистническую политику алкоголизации, но и делать все возможное, чтобы общество стало духовно ориентированным обществом, в котором главными государственными, уголовно наказуемыми преступлениями, считаются проявления жестокости, цинизма, душевной черствости, невнимания к нуждам и страданиям сограждан... Более того, все то, что ориентирует человека, семью и общество *не на развитие*, а на развращение, растрепывание, дегенерацию – конституционно запрещено. В обществе господствуют *духовные* ценности. В данном случае, «Дух есть высшая *способность человеческой души*, посредством которой человек познает Бога» [65], а *ценность* – это утилитарное *свойство средства*, с помощью которого мы достигаем ту или иную цель. К духовным ценностям, прежде всего, относятся трезвость, любовь, свобода, гуманизм...

И, конечно же, при этом важно не отождествлять духовность и «талантливость», «образованность», «интеллектуальность»... Духовным может быть бесталаный и неграмотный. И может оказаться совершенно бездуховным тот, кто и собриолог, и доктор исторических наук, и очень известный лектор, да к тому ж еще и рисующий, и поющий, и на гитаре играющий, если он считает, что в мире все само себе есть причина и следствие, а Бога нет, и поэтому все позволено, если позволяет Уголовный кодекс и зарплата...

А зачем нам вся эта духовность и прочая лабуда? – может нас спросить иной собриолог? А затем, – кротко и кратко ответим мы ему, этому очередному блудодею, что в каждого из нас инкорпорирован инстинкт самосохранения, а в инстинкт – еще и стремление к бессмертию. Именно последнее и влечет одних к творчеству, а других – к таким позорным «деяниям», как сожжение храма Артемиды (356 г. до н. э.) и надписи в подъезде.

Бессмертие, к тому же, это еще и антитеза распаду, гибели, исчезновению. А поскольку многие из нас небытию предпочитают все-таки вечность, то они и не имеют ничего против такой, в частности, духовной ценности, как любовь. Не та любовь, которая секс, т.е. случка животных, но та, которая, как говорил Платон, «жажда целостности и стремление к ней» [66] или, как говорил наш современник С.Н. Лазарев: «Любовь – это желание соединиться с чем-то» [67]. «Соединиться с чем-то», т.е. создать некую целостность, нечто противоположное дезинтеграции и деградации.

Любовь это ведь еще и высший акт сотворчества, человека возвышающий, позволяющий стать лучше, чище и, соответственно, позволяющий отринуть все худое, грязное, низкое, а значит, помогающий, опять же, выжить.

Состояние любви, быть может, и даруется Богом человеку, как благодать, как краткий духовный опыт, помогающий почувствовать и понять разницу между падением и возвышением, помогающий ощутить себя не только Божьей тварью, но и частью замысла Создателя, и даже... его сотворцом, и, если хотите, *помощником*. А велика ль помощь Богу от твари пьющей «чертово зелье»?

Однако вернемся в год 1915-й.

Самое убедительное, это, конечно, статистика. Так вот, статистика утверждает, что в период 1913/14 гг. всего по Империи действовало 3 029 винокурных и дрожжево-винокурных заводов, а в период 1914/15 – 2326 [68].

И на этих заводах было выкурено спирта в период 1913/1914 гг. – 139 млн, а в период 1914/1915 гг. – 55 млн ведер [69].

Далее, продажа казенного спирта (в 40°) для местного потребления составляло: 1913 г. – 103 млн ведер, 1914 г. – 53 млн, 1915 г. – 41 млн [70].

41 миллион ведер это, конечно же, не нуль. А если не нуль, то принимая во внимание только этот показатель, можно ли говорить о существовании в стране «сухого закона»? Причем, 41 миллион ведер это 40 градусный спирт. А ведь был еще и денатурат, производство которого в 1915 году по сравнению с 1914 годом выросло в 6 раз – с 894 тыс. ведер до 5,5 млн ведер [71].

Составить некоторое представление о размерах питья в 1915 году можно, и используя нижеприведенную таблицу:

Количество спирта и вина, отпущенного из казенных складов по пониженным ценам на разные специальные надобности [72]:

Специальные надобности	1914 г. (тыс. ведер)	1915 г. (тыс. ведер)
Водочные изделия	662,1	150,1
Аптекарские надобн.	292,7	901,9
Научные цели (лабор.)	26,8	43,4
Парфюмерные изделия	253,6	474,2
Химические заводы	53,5	3.552,2
Денатурация	13,1	20,1
Уксусные заводы и пр.	1,4	6,3
Итого	1.303,2	5.148,2

Кроме спирта и денатурата, как вы понимаете, были еще и пиво, и брага, и виноградное вино...

Весьма любопытные рассуждения о виноградном вине я обнаружил в ежегоднике «Торгово-промышленный мир России», вышедшем из печати в 1916 году. Автор, размышляя о несомненно отрицательном влиянии войны на винодельческую промышленность, обратил внимание и на «...обстоятельство весьма крупного значения, оказывающее *самое благотворное действие на виноделие и виноторговлю* (здесь и далее выделено мной. – Е.Б.) – это усиление спроса на виноградные вина, вследствие прекращения продажи водки и других крепких напитков. Действие этого последнего фактора так могущественно, что цены на виноградное вино в районах производства поднялись от 50 до 100 и более процентов, и в некоторых из крупнейших районов – в Бессарабской, Кутаисской и Таврической губерниях уже в 1915 году запасов вин почти не оставалось, так как большая часть их нашла потребителей среди местного населения, благодаря запрещению на юге продажи всех крепких напитков, кроме виноградных вин.

Как видно из этих данных, производители вина, благодаря войне, не считая отдельных случаев, не только не пострадали за первый год войны, но, наоборот, выиграли, вследствие повышения спроса и цен» [73].

Таким образом, нравится нам или не нравится, но выползает очевидный факт: война пошла на пользу виноделам. И из этого факта сам собою встает вопрос: *если к началу 1916 года производить, продавать и поглощать алкогольные изделия не было запрещено, значит, было разрешено, а если было разрешено, значит, не было «сухого закона»!?*

1916 год на документы, разрешающие питье или же, напротив, запрещающие питье – скуповат. Вот лишь некоторые крохи. В «Вестнике трезвости» за июнь-июль 1916 год сообщалось: «На нынешней страстной неделе продано до 1 700 ведер денатурата, вместо обычных 60 ведер».

И еще там же: «Медицинский совет постановил разрешить аптекам отпускать спирт по рецептам зубных врачей и дантистов для их пациентов» [74].

А 26 августа 1916 года Совет министров, принимая во внимание значительное скопление запасов спирта, находящегося в распоряжении казны, превышающих двухлетнюю вероятную в нем потребность, постановил: «В течение периода 1916–1917 годов производство спирта на всех винокуренных и дрожжево-винокуренных заводах воспрещается» [75].

Речь, обратите внимание, идет только о запрещении *производства* спирта, а не вина и прочего, и уж, тем более, не о распитии в ресторанах и прочих местах.

1917 год начался с того, что Совет Министров своим распоряжением от 21 января 1917 г., разрешил отпускать евреям для пасхальных обрядов виноградное и изюмное вино. Трудно сказать, чем же оно на тот момент было запрещено, но такой документ имел место быть, и тамбовский раввин, видимо, на радостях великих тот час же и отхватил аж 40 ведер желанного пойла [76].

Если вспомнить, что в 1917 году в России проживало около 6 млн. «избранных», то какое ж количество вина ими проглатывалось? Причем, опять же, *на законном основании!* А если люди пьют на законном основании, то выходит, что *«сухой закон» находится вне закона?!*

И еще вдруг в связи с этим подумалось мне, что если б каждый еврей да вылил бы всего по 1 литру вина в одно общее место, то ни дать, ни взять – возникло б рукотворное шестимиллионно-литровое море Мертвое (Содомское) в миниатюре!..

Ну, православные, не будем забывать, тоже обижены не были – церковное беззапретное вино как расходилось по округе, так оно и... Случился, правда, один препоганый моментик, когда в связи с воцарившейся в стране и в головах всеобщей разрухой не было ни хлеба, ни вина, ни мира. И тогда – в сентябре 1918 года – епископы, дважды посовещавшись, снизошли до вполне разумного, циркулярного распоряжения, в котором сообщалось, что по нужде Евхаристия может совершаться и с помощью суррогатов вина, т.е. с помощью обычных соков. Кровь Христову подменили на соки и небеса, между прочим, после этого не рухнули, и бесы не стучали настойчиво и дерзко в церковные ворота и ставни.

Итак, 1917 год.

Уже набило оскомину утверждение многих о том, что когда большевики взяли власть в свои руки, то они будто бы прямо сразу продлили действие царского «сухого закона». Чуть ли не декретом № 3. Но ведь между моментом, когда жители Дома Романовых стали бомжами и холостым, но историческим выстрелом с крейсера «Аврора», – крейсера, имя которому в 1897 году дал Николай II, – многомесячная полоса двоевластия?.. Ее-то, почему мы в упор не замечаем?..

2 (15) марта 1917 года император Николай II отрекся от престола в пользу брата своего – Михаила Александровича, но последний «подарка» не принял – от короны отказался, и даже «подписал акт о формальной передаче верховной власти Временному правительству» [77], которое было создано 2-го же марта того же года.

Так вот, вскорости Временное правительство приняло документ *«Об изменении и дополнении некоторых, относящихся к изготовлению и продаже крепких напитков, постановлений»*. Презабавный документ, прямо скажем:

«Временное Правительство, в изменение, дополнение и отмену подлежащих узаконений, постановило:

1. *Воспрещается повсеместно в России продажа для питьевого потребления крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ* (здесь и далее выделено мной. – Е.Б.), из каких бы припасов или материалов и какими бы способами эти напитки и вещества ни были приготовлены.

2. Напитки признаются крепкими, если содержание в них винного спирта превышает полтора процента (градуса) по Траллесу.

Напитки с меньшим содержанием винного спирта, а также кумыс и кефир, не считаются крепкими, допускаются, при отсутствии в них одуряющих или вредных для здоровья примесей, к свободной продаже и не подлежат оплате акцизом; применение хмеля при изготовлении некрепких напитков не воспрещается.

Не относящимися к напиткам спиртосодержащими веществами признаются: древесный, сивушный (отбросы и отгоны при очистке винного спирта) и прочие спирты и всякой крепости их растворы, кроме винного спирта и его растворов.

Под винным спиртом разумеется этиловый спирт, не подвергнутый денатурации».

Ну, наши люди! Дай нам, трезвенникам, горячим сторонникам Шичко, Углова и Жданова написать о том же, так ведь и у нас едва ли б лучше получилось! А потому мы и протестуем решительно и нагло против призыва В.И. Ленина: «Никакой поддержки Временному правительству» [78].

(Кстати, самое время спохватиться, я бы предостерег поспешно усмотревших в п.1 подобие «сухого закона». «Сухой закон», как выше мы уже определились, в самом простом и обыденном понимании это – не только запрет на продажу алкоголя, но и запрет на производство и употребление. Под последним

мы понимаем, конечно же, распитие спиртного в общественных местах, равно, как и появление в общественных местах в состоянии опьянения).

И только я успел порадоваться душевно первым двум пунктам, как нате вам – пункт 3:

«3. Продажа крепких напитков и неотносящихся к напиткам спиртосодержащих веществ для технических, врачебных, фармацевтических, химических, учебных и тому подобных надобностей, не связанных с питьевым потреблением, **производится исключительно из выделяющих эти напитки и вещества заводов и заведений, из аптек, казенных лавок и складов и из тех мест торговли, коим эта продажа будет разрешена** Управляющим акцизными сборами по соглашению с Губернским Комиссаром Временного Правительства.

Порядок и условия производства продажи крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ определяются Министерством Финансов по соглашению с Министерством Внутренних Дел, а в отношении отпуска виноградного вина для богослужебных надобностей православной церкви – также и по соглашению с Обер-Прокурором Святейшего Синода.

Вывоз за границу виноградных вин всякой крепости, а из винодельческих местностей в невинодельческие виноградных вин крепостью не свыше двенадцати процентов (градусов) по Траллесу **допускается** с соблюдением установленного порядка, во всякое время, не исключая военного.

4. **Изготовление крепких напитков** и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ **дозволяется** исключительно для указанных в предыдущей (3) статье надобностей и для вывоза за границу и только на заводах и в заведениях, заявленных акцизному надзору и полиции или в подлежащих случаях, разрешенных в установленном порядке.

В винодельческих местностях **выделка**, с соблюдением действующих узаконений и правил, натуральных **виноградных вин** из произрастающего в России винограда **признается свободным промыслом**.

5. В изъятие из постановлений статей 1 и 3 в **винодельческих местностях разрешается повсеместно производить**, с соблюдением действующих узаконений и правил, **продажу натуральных виноградных вин**, выделяемых из произрастающего в России винограда, крепостью не свыше двенадцати процентов (градусов) по Траллесу; **продажа означенных вин вне винодельческих местностей допускается только в городских поселениях**.

При этом городским и земским общественным управлениям или заменяющим их учреждениям, а в винодельческих местностях также сельским и станичным сходам, предоставляется издавать постановления, ограничивающие или запрещающие таковую продажу виноградных вин.

В отношении невинодельческих местностей означенное в сей статье разрешение входить в действие по истечении года со дня ратификации мирного договора.

6. За продажу крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ без установленного разрешения и за недозволенный отпуск

сих напитков и веществ заведомо для надобностей, не указанных в ст. 3, виновные, если не подлежат по закону более строгой ответственности, подвергаются:

в первый раз – заключению в тюрьме на время от двух до четырех месяцев; во второй раз – заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев; в третий раз – заключению в тюрьме на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев.

Если нарушение производилось в виде промысла или обнаружено в торговом заведении, на заводе или в заведениях для выделки крепких напитков или не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ, то виновные, сверх означенных выше наказаний, подвергаются денежному взысканию от пятисот до двух тысяч рублей.

При этом, в случае обнаружения продажи крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ без установленного разрешения, все означенные напитки и вещества, оказавшиеся у виновных, отбираются для уничтожения.

Подписали: Министр-Председатель и другие Министры» [79].

Ну, просто дух захватывает от такого информационного сквозняка!

«Выделка ... натуральных виноградных вин... признается свободным промыслом». А этим, извините, «промыслом» занималось в то время 42-х миллионное население в 23-х губерниях и областях, собирая ежегодно до 70 миллионов пудов винограда, большая часть из которого перерабатывалась на вино и перекуривалась на виноградный спирт [80]!

И с какой же целью теперь этим промысловикам позволялось выделывать все эти сладкие миллионы литров алкогольного пойла, миллионы натурального виноградного вина? Для научных целей? Или для технических? Или для медицинских – «мы не пьем, а лечимся»?

Более лукавый документ трудно себе даже представить. Мы вино производим и продаем, а вы его покупаете, но – не для питья!

Временщики! И потому мы полностью согласны с В.И. Лениным, который 7 (20) марта 1917 г. в своем «Письме издадека» прозорливо утверждал «...это правительство не случайное сборище лиц» [81].

Но для нас, уважаемый читатель, это «сборище лиц» важно тем, что оно, – а это все же крупные государственные деятели бывшей царской России, – самим фактом принятия документа о воспрещении продажи для питьевого потребления «крепких напитков» констатировало то, что *на март 1917 года такого воспрещения не существовало. Зачем бы Временное правительство запрещало уже запрещенное?*

И вот тут наш следующий вопрос: так *что же продляли большевики, пришедшие к власти?*

Царский «сухой закон» они продлять не могли, т.к., – и это мы только что показали, – его попросту не существовало.

Могли ли они продлить под видом «сухого закона» то, что фигурирует в п.1 постановления от 27 марта 1917 г. «Об изменении и дополнении некоторых, относящихся к изготовлению и продаже крепких напитков, постановлений»?

Нет. По крайней мере, ни один исследователь, насколько мне известно, об этом постановлении никогда даже не заикался, как будто этого постановления вообще не существовало. Но дело, конечно же, не в этом, а в том, что само Временное правительство было «незаконнорожденным», и, соответственно, все его постановления уже в силу этого – *нелегитимны*. (Легитимность – в данном случае – добровольное общенародное согласие с тем, что находящиеся во власти имеют право принимать обязательные для всех решения).

Почему мы такое вправе утверждать?

26 февраля (11 марта) 1917 года, как известно, Высочайшим указом деятельность IV Государственной думы была приостановлена. Несмотря на хлебные бунты, антивоенные митинги, демонстрации, стачки, несмотря на чрезвычайно взрывоопасную ситуацию...

27 февраля 1917 г. председатель Государственной думы М.В. Родзянко экстренно в 12 часов 40 минут направил Николаю II настоятельную просьбу, можно сказать – ударил в набат: «Повелите в отмену вашего высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. Возвестите безотлагательно эти меры Высочайшим манифестом. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец, и крушение России, а с ней и династии неминуемо. От имени всей России прошу Ваше величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу Вашу и родины, настал. Завтра может быть уже поздно» [82].

Увы, – ответа не последовало. И это несмотря на происходящее, причем, не только в Петрограде и Москве. Вот что о происходящем 27 февраля 1917 года в Царском Селе, до которого Император, «блуждающий» где-то между Псковом и Могилевом, так и не смог добраться, писала в своих мемуарах Т.Е. Мельник-Боткина (дочь доктора Е.С. Боткина, лейб-медика Императора Николая II): «...на улице творилось что-то невероятное: пьяные солдаты, без ремней и расстегнутые, с винтовками и без, бегали взад и вперед и тащили все, что могли, из всех магазинов. Кто бежал с куском сукна, кто с сапогами, некоторые, уже и так совершенно пьяные, тащили бутылки вина и водку, другие все замотались пестрыми шелковыми лентами. Тут же бегал растерянный жид-ростовщик, бабы и гимназисты. Ночью был пожар в одном из самых больших магазинов, во время которого в погребе угорели пьяные солдаты» [83].

Итак, ответа от царя – нет. И тогда депутаты Государственной Думы провели, скажем так, междусобойчик – частное совещание и, по предложению кадета П.Н. Милюкова, образовали Временный комитет, который при достигнутом о том соглашении с лидерами Петросовета, и сформировал 2 марта 1917 года Временное правительство.

Таким образом, с одной стороны, незаконно собравшаяся компания думцев, с другой – только что наспех созданный из того людского материала, что оказался «под рукой», Петроградский Совет. А «под рукой» почему-то оказались сплошь одни меньшевики да эсеры. Надо ли говорить, что последние не только не являлись выразителями чаяний широкого революционного движения России, а уж тем более, выразителями интересов народов России?

Хуже того, и Всероссийское Временное Правительство, во главе которого стоял князь Г.Е. Львов, и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, во главе которого стоял дворянин, член парамасонской ложи Великий восток народов России Н.С. Чхеидзе не могли быть легитимными еще и в силу того, что они продолжали держать курс на «войну до победного конца». И это в то время, когда после свержения монархии на селе началось стихийное решение земельного вопроса, а «крестьяне в серых шинелях», находящиеся «под ружьем» оказались, фактически, отстраненными от раздела земельной собственности... Могла ли крестьянская страна оказать доверие такому правительству и такому Петросовету, претендующим не только на высшую власть в Петрограде, но и на власть общегосударственную?..

И вот – прозвучало знаменитое: «Революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, свершилась»... И... И когда же, и какими же документами «большевики, взявшие власть в свои руки», продлили действие, ну, пусть не царского «сухого закона», и даже пусть не продлили, а взяли да и сами, руководствуясь революционным правосознанием, ввели запрет на «продажу для питьевого потребления крепких напитков»?

Удивительно, но *ни единого слова о спиртном и о его запрете* в первом томе «Декреты Советской власти. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.», который вышел в московском издательстве в 1957 г., нет. Об акцизе на табак есть, о спичках есть. Об алкоголе – ни строчки.

Так мы, очевидно, и оставались бы в полном неведении, если б не американский турист, журналист – Джон Рид (1887–1920), разместивший в своей книге «10 дней, которые потрясли мир» нижеследующий исторический документ:

ПРИКАЗ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

1. Впредь до особого распоряжения *воспрещается производство* (выделено мной. – Е.Б.) алкоголя и всяких алкогольных напитков.
2. Предписывается всем владельцам спиртовых и винных складов, всем фабрикантам алкоголя и алкогольных напитков не позже 27-го сего месяца довести до сведения о точном местонахождении склада.
3. Виновные в неисполнении приказа будут преданы Военно-революционному суду.

Военно-Революционный Комитет [84].

Обратим внимание, что приказ ВРК *не продляет* действие «царского «сухого закона», и не устанавливает «сухой закон», а лишь воспрещает *производство*. Не торговлю и не распитие – производство.

Следующий документ я обнаружил в книге «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.)»:

Предписание замоскворецкого военно-революционного комитета

29 октября 1917 г.

Замоскворецкий военно-революционный комитет объявляет, что будут подавляться самыми беспощадными мерами:

1. продажа водки,
2. погромы,
3. стрельба из домов,
4. черносотенная агитация.

Все нарушители порядка, все появляющиеся в нетрезвом виде, все чинящие насилие и грабежи – враги народа и революции, и с ними будет поступлено со всею строгостью революционного времени.

Ношение и хранение оружия допускается только с разрешения Военно-революционного комитета.

Военно-революционный комитет [85].

Ну, а здесь, как вы понимаете, ВРК не запрещает продажу водки, а лишь угрожает, что **продажа водки** будет подавляться. Не пива продажа, не самогона, не вина – водки.

Причем, данный документ отражал позицию не советской власти в целом, и даже не ВРК, а лишь **замоскворецкого** ВРК, созданного три дня тому назад в столовой около ситценабивной фабрики Э. Цинделя, и чья власть распространилась к тому же не на весь замоскворецкий район Москвы, поскольку именно в это время там полным ходом шли военные столкновения с юнкерами. А большевики 29 октября еще и по Кремлю-то не хаживали...

Отсюда мы вправе констатировать: выше приведенные документы, рожденные революцией, почти никакой силы, никакого значения в свете нашей темы не имели. Хотя проблема, конечно же, была и вопрос о дальнейшем сосуществовании с алкоголем, уже тогда стоял и стоял довольно остро. Я намеренно и почти опускаю в данной работе тему винных погромов, которых в избытке хватало и в 1914 году в период мобилизации, и в 1917 году, которые могли бы послужить красноречивой иллюстрацией отсутствия всенародной поддержки, которая якобы имела место быть, как в этом нас пытаются убедить «сухозаконники», но не откажу себе в удовольствии разместить выступление Народного Комиссара по Иностранным Делах Л.Д. Троцкого, который на заседании Петроградского Совета Р. и С.Д. (2 декабря 1917 года) так горячо и так верно сказал: «Склады вина еще грабятся, на Васильевском острове подожжен винный склад. Товарищи, нужно всемерно бороться и в этой борьбе необходима ваша инициатива. Нельзя действовать только сверху. В самом начале [бесчинство] не было пресечено твердой рукой, и происходящее есть отчасти результат попустительства. Но надо ясно сознать, что если солдат, в руках которого власть – бесчестит ее, то и тот, который не пресечет пьянства, не примет мер против не-

го – также власть бесчестит. Говорят, что в среде самих выборных наблюдались случаи, когда и они вовлекались в соблазн. Товарищи, это – позор. Выдвинутая народом власть не имеет с народом иной связи, кроме самих рабочих, солдат и крестьян, и это лишь есть наша основа. Если основа прогнет, у нас не останется фундамента и почва уйдет из-под наших ног.

Водка есть такая же политическая сила, как слово. Революционное слово пробуждает сон и толкает на путь борьбы с угнетателями, а водка есть противоположность слову, она снова усыпляет, чтоб во сне быть побежденным. Не наша буржуазия открыла этот путь, во всех странах и во всех революциях враги народа хватались за водку, как за оружие распада, дезорганизации, деморализации.

Если мы не боимся их происков, их нападков – наших врагов – то страшен нам распад в нашей среде. Организуйтесь, соберите ваши силы, недреманным оком следите и боритесь за революционную честь.

Объявите всеми наличными силами войну водке. Если не удастся остановить пьянство вам, у нас не останется другого средства, кроме броневиков. Помните, каждый день пьянства – это день их приближения к победе и нашего к бывшему рабству» [86].

И в связи со столь ярким выступлением, была принята и соответствующая резолюция:

РЕЗОЛЮЦИЯ

Петроградского Сов. Р. и С.Д.

О борьбе с пьянством

Заслушав доклад о пьянстве и погромах, Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановляет:

1. Назначить чрезвычайным военным комиссаром Петрограда товарища Благонравова по борьбе с пьянством и погромами.

2. Предоставить в его распоряжение необходимые военные силы.

3. Вменить товарищу Благонравову в обязанность уничтожить винные склады, очистить Петроград от хулиганских банд, разоружить и арестовать всех, порочивших себя участием в пьянстве и разгроме.

4. Все Районные Советы Р. и С. Д., все части гарнизона и красногвардейцы призываются оказывать военному комиссару, товарищу Благонравову, полное содействие.

5. Поручить И. К. рассмотреть возбужденный Комиссарами вопрос о введении военного положения для успешной борьбы с пьянством и погромами и, если окажется необходимым, уполномочить И. К. дать санкцию на введение военного положения в Петрограде [87].

Искренне, от души, задиристо, но, обратим внимание, в ней, как и в документах, ранее цитируемых, речь идет не о трезвости, а о пьянстве. И, опять же, ничего о запрете производства, торговли и употребления, т.е. о «сухом законе» – ни гу-гу.

Подобный же бесполезный, а, вернее сказать наивреднейший подход к данному вопросу мы видим и у церковников, которые многие столетия горячо выступают против все того же пьянства, но при этом, ничуть не смущаясь, призывают не гнушаться стакана вина или же кружки пива.

И еще одно свидетельство наличия проблемы и отсутствия ее решения. З.Н. Гиппиус, поэтесса, драматург и литературный критик в своем дневнике 4 декабря 1917 года сделала запись: «Винные погромы не прекращаются ни на минуту. Весь «Петроград» (вот он когда Петроград!) пьян. Непрерывная стрельба, иногда пулеметная. Сейчас происходит грандиозный погром на Васильевском. Не надо думать, что это лишь ночью: нет, и утром, и днем, и вечером – перманентный пьяный грабеж» [88].

Мне думается, что эта, очень впечатлительная особа, поэтесса из Серебряного века, вошедшая в состояние крайнего раздражения от происходящих рядом скотско-народных круглосуточных гулянок, просто описалась бы от смеха, если б ей в ту пору какой-нибудь брандахлыст зачитал лириковатые перлы из брошюрки очаровательного доктора Введенского: «Огромная страна с полуторастами миллионным населением, с репутацией одной из самых нетрезвых, с растущим из года в год потреблением спиртных напитков, с бюджетом по справедливости называвшимся «пьяным», вдруг отрезвела, как по волшебству»; или возвышенно-поэтические кренделя из Законодательного предположения, громышающие, словно пустая консервная банка, которую запиндюрил своей быстрой ногой какой-то праздный, саморазвлекающийся хлопец: «Да будет стыдно всем тем, которые говорили, что трезвость в народе немыслима... Сказка о трезвости, этом преддверии земного рая, стала на Руси правдой».

Правдой...

Только вот правда, как водится, у каждого своя...

А вот и еще один документ, размещенный в книге «Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии»:

ОБРАЩЕНИЕ

Петроградского Совета ко всему населению Петрограда
с призывом единодушно выступить на борьбу
за восстановление революционного порядка

6 декабря 1917 г.

Граждане! Товарищи!

Тёмные силы вас подстерегают. Они вызвали мятежи генералов Каледина, Корнилова и других, чтобы затопить в крови народную революцию. Одновременно эти тёмные силы пытаются создать анархию и беспорядки в стране и особенно в красном Петрограде. Они толкают бессознательных и слабых людей на пьянство и погромы.

Всякий, кто в нынешний тревожный момент устраивает беспорядки или способствует им, есть враг революции и русского народа. Все сознательные

люди обязаны всеми мерами прекращать анархию и содействовать восстановлению революционного порядка.

Не прикасайтесь к вину: это яд для нашей свободы! Не допускайте разгромов и эксцессов: это смерть для русской революции!

Как честные граждане, единодушно выступите на борьбу с злыми силами, сеющими беспорядок. Поддержите Совет рабочих и солдатский депутатов в его работе по охране революционного Петрограда.

«Известия ЦИК», № 244 6 декабря 1917 г. [89]

«Не прикасайтесь к вину...» – это более похоже на некую сентенцию, на эдакое увещевание, но только не на «продление царского «сухого закона», не так ли? Можете прикасаться, но можете и не прикасаться. И лучше б вам все же не прикасаться. Но... где же он, тот суровый запрет на производство, торговлю и на прочее?

Его нет?

Его нет. И потому мы вполне можем поверить министру здравоохранения и социального развития Т.А. Голиковой, которая 12 августа 2009 года, будучи на совещании в Сочи, сказала: «Легко можно проследить, что *в 1914–1917 годах уровень потребления алкоголя на одного человека составлял 3,4 литра*» [90].

Дальше – еще хуже. 13 апреля (31 марта) 1918 г. самые главные большевики, имеющие власть в руках, председатель СНК В. Ульянов (Ленин) и управляющий делами СНК Вл. Бонч-Бруевич подписали декрет Совета Народных Комиссаров «Об акцизе на спирт, вино, дрожжи, папиросные гильзы и бумагу и спички», в соответствии с которым с того, что является «ядом для нашей свободы», взимался акциз. (!?)

«Акциз взимается:

1) Со спирта, выкуриваемого из всякого рода припасов, в том числе и виноградных материалов, ягод и фруктов (спирта коньячного, виноградного и фруктового), по одному рублю двадцать копеек за градус.

2) Со спирта, отпускаемого на выделку лака и политуры, по одному рублю за градус.

3) С виноградных, плодовых и ягодных вин внутреннего (отечественного) приготовления и с привозимых из-за границы:

а) тихих — по тридцать два рубля и

б) игристых, а также изюмных вин, — по сорок восемь рублей с ведра, причем обложению подлежат и виноградные вина, продаваемые в городских и внегородских поселениях винодельческих районов» [91].

О чем это говорит?

Если платится акциз с вина и спирта, значит, спирт и вино производят на законном основании, а если производят, значит, спирт и вино пьют. И тоже на

законном основании. Но если в стране производят и пьют вино и спирт на законном основании, значит, в стране все еще не действует «сухой закон»?

Но ведь «сухозаконники» утверждают, что «когда большевики взяли власть в свои руки, они продлили...». Если же на дворе – весна 1918 года, а продления все нет и нет, значит, либо к весне 1918 года большевики все еще не взяли власть в свои руки, либо Ленин – не большевик?

И еще обратите внимание: всюду в документах речь идет *о самогонке, о пьянстве, о появлении на улице в пьяном виде*. И ни слова *о трезвости!* Не потому ли, что о трезвости власть даже и не помышляла?

Следующий документ – декрет ВЦИК и СНК «О борьбе с продовольственным кризисом и расширении полномочий народного комиссариата продовольствия», принятый 9 мая 1918 года:

«...Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил:

3. Объявить всех, имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на сыпные пункты, а также расточающих хлебные запасы на самогонку, врагами народа, предавать их революционному суду, с тем, чтобы виновные приговаривались к тюремному заключению на срок не менее 10 лет, изгонялись навсегда из общины, всё их имущество подвергалось конфискации, а самогонщики, сверх того, присуждались к принудительным общественным работам.

Председатель ВЦИК Я. Свердлов
Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)
Секретарь ВЦИК Аванесов» [92].

В этом документе наших любителей выводить плетень из тени очень бодрят именно вот эти фразы – «объявить... врагами народа» и «не менее 10 лет». 15 или 25 лет вызывает у них чувство глубокого удовлетворения. И им мнится при этом, что когда такие грозные фразы ударяют о пустой барабан социальной политики, то, значит, процесс идет, и наше тут дело правое, и победа непременно будет за нами...

Не упустим из вида и то, что и этот документ касается лишь расточающих хлебные запасы *на самогонку*. На брагу – пожалуйста, на домашнее пиво – тоже. Про вино же – ни слова.

Про вино власть вспомнила **18 ноября 1918 г.**: было принято решение об образовании... Центрального управления государственными заводами винокуренной промышленности (Центроспирт)?! Именно при непосредственном участии этой структуры, «...винная монополия начала функционировать в Дальневосточном крае еще в 1922 г., т. е. на три года раньше, чем в прочих местностях Союза», «там была допущена свободная продажа крепкого спирта» [93].

Причем, в качестве главного оправдания и в качестве главной причины данной торговли выдвигалась... необходимость борьбы с контрабандным ввозом маньчжурского спирта. Будто бы и не было В.И. Лениным 27 мая 1921 года на X Всероссийской конференции РКП(б) заявлено: «...я думаю, что в отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и

прочий дурман, мы этого не допустим, потому что, как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму» [94].

И буквально на следующий год после этих прекрасных слов, еще при жизни автора «противоводочной декларации», на Дальнем Востоке уже *вовсю и на законном основании* орудовали борцы с маньчжурским спиртом – советские торговцы, торгующие советским спиртом.

6 сентября 1920 г. Центроспирт переименовали в Главспирт – Главное управление государственными предприятиями спиртовой промышленности. Более того, даже приняли специальный декрет ВЦИК и СНК «Об организации государственного виноградарства и виноделия в РСФСР и союзных Советских Республиках» [95], а декретом ВЦИК **5 января 1922 г.** при Народном Комиссариате Земледелия РСФСР «для осуществления всех мероприятий по ведению государственного виноградно-винодельческого хозяйства и *для организации государственного виноделия*, а также для переработки продуктов такового *и сбыта вин*» [96], учредили Правление Государственного Виноградарства и Виноделия Федерации (Винделправление)!

Впрочем, мы далековато забежали, пропустив самый наиглавнейший документ – пресловутое Постановление СНК от 19 декабря 1919 года «О запрещении в РСФСР без разрешения производства и продажи спирта, крепких напитков и неотносящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» [97], которое бравые баламуты именуют «ленинским «сухим законом» и которое будто бы *закрепило* «сухой закон», принятый царским правительством в 1914 г.».

Читаем:

«Совет народных Комиссаров постановил:

1. Воспрещается повсеместно в Р.С.Ф. Советской Республике изготовление без разрешения спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ из каких бы припасов или материалов, какими бы способами, какой бы крепости и в каком бы количестве спиртовые напитки и вещества не были приготовлены.

2. Воспрещается продажа для питьевого потребления спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ.

3. *Напитки признаются крепкими, если содержание в них винного спирта превышает восемь процентов (градусов) по Траллесу.* (выделено мной. – Е.Б.)

4. Напитки с меньшим содержанием винного спирта, а также кумыс и кефир, не считаются крепкими и допускаются, при отсутствии в них одуряющих или вредных для здоровья примесей, к свободной продаже.

Применение хмеля при изготовлении некрепких напитков не воспрещается».

У вас, уважаемый читатель, не возникло ощущение, которое называется дежавю? У вас нет ощущения, что все это вы уже где-то читали – точно такой же текст, слово в слово?

Где же?

А несколькими страницами выше – постановление Временного правительства «Об изменении и дополнении некоторых, относящихся к изготовлению и продаже крепких напитков, постановлений», принятое 27 марта 1917 г.

Выходит, что Совет Народных Комиссаров просто слямзил (украл) текст, написанный буржуазными юристами?!

«Ленинский» «сухой закон» написали буржуазные юристы!? Но почему тогда под тексом стоит подпись большевика В.И. Ленина, а не князя Г.Е. Львова, сбежавшего в октябре 1918 года в США? Быть может, только потому, что в постановлении Временного правительства «Напитки признаются крепкими, если содержание в них винного спирта превышает **полтора процента**», а в постановлении большевиков – «Напитки признаются крепкими, если содержание в них винного спирта превышает **восемь процентов**»?

Видимо, чтобы еще более усилить отличие этих двух документов, большевики почти сразу же разместили в газете «Известия В.Ц.И.К.» от 3 января 1920 г. «существеннейшую» поправку:

«В пункте 3 постановления Совнаркома от 19 декабря 1919 г., опубликованного в «Известия В.Ц.И.К.» 1 января 1920 года, вкралась ошибка:

Напечатано: «Напитки признаются крепкими, если содержание в них винного спирта превышает восемь процентов (градусов) по Траллесу».

Следует читать: «Напитки признаются крепкими, если содержание в них винного спирта превышает полтора процента (градуса) по Траллесу. Для виноградных вин крепость допускается не свыше **двенадцати** градусов».

Секретарь Совнаркома С. Бричкина.

Кремль, 2 января 1920 г.» [98].

И это называется – постановление «**закрепило** «сухой закон», принятый царским правительством в 1914 г.»? Постановление, которым разрешено изготовление, продажа для питьевого потребления и питьевого потребление того, что **не более 12 градусов**, т.е. вино и пиво!

Коль так, то, быть может, постановление СНК от 19 декабря 1919 года **не установило** «сухой закон», а вообще **отменило** его, если вам угодно думать, будто бы он ранее все-таки был? Данным постановлением был фактически аннулирован единственный «сухозаконный» (в плане производства) документ – приказ Военно-революционного комитета от 1917 года: «Впредь до особого распоряжения **воспрещается производство алкоголя и всяких алкогольных напитков**».

При этом я особо подчеркиваю, что тот приказ запрещал лишь **производство**, но не **продажу** и не **потребление**, а, соответственно, даже он не являлся «сухим законом». К тому же, он еще и не был своевременно пролонгирован большевистской властью после октябрьского государственного переворота, а сами приказы ВРК, созданного на закрытом заседании исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 12 октября 1917 г., едва ли имели силу далее Петроградской околицы.

Хуже того, многие, совершенно искренне заблуждаясь, считают, что этот, явно «подмоченный» «ленинский «сухой закон» существовал вплоть до августа 1925 года. Но ведь и это совершенно не так. Еще 9 августа 1921 г. декретом Совнаркома РСФСР «О продаже виноградных, плодовыхгодных и изюмных вин», была *разрешена продажа вин крепостью до 14°*.

Именно это «ослабление антиалкогольных мер, – совершенно справедливо утверждала кандидат юридических наук Ф.Н. Петрова, – и вызвало резкий всплеск самогонварения» [99].

Эту же мысль излагал и современник тех далеких событий: «Не было у нас самогона, – говорили мне в одном рабочем поселке, – а появились пивные и винные лавки – потребовался и самогон» [100].

Потребовался самогон и в глухой Сибири.

И вот уже хакасский активист кооперативного движения Роман Афанасьевич Кызласов не без глубокого огорчения делает в своих дневниках соответствующую запись:

«19 декабря 1922 г. Вторник.

Сегодня татарский Праздник «Никола», население инородческое повально пьяное от старых до малых, каждый старается, опьяняющими напитками погубить и уничтожить тоску. Такое печальное поведение инородцев. Празднество у них ведется с опьяняющими напитками.

Характерно это отметить с экономической стороны всего района. Сколько употребляется хлебопродуктов для выгона напитков» [101].

Хлебопродукты – на самогон...

С приходом русских это стало возможным делать теперь уже *круглгодично*. И даже в то время, когда действовал грабительский налог на продовольствие, взимавшийся в 1921–1923 по решению X съезда РКП(б), и даже в то время, когда массовый голод воцарился сначала в Поволжье, а затем охватил 35 губерний, в том числе, и районы Западной Сибири, и звучали призывы обменять церковное золото на хлеб голодным, и люди ели людей, и крестьяне, в частности, Самарской губернии, употребляли в пищу кошек и собак, и вырывали из могил гниющие трупы, и поедали мертвецов [102].

«18 января 1923 г. Бея. Четверг.

...все собрались у соседа встречать Новый год. Народу было порядочно, около 30 человек.

Люди были мне незнакомы, кроме Гурницких. Собрались в кучу в одну комнату. Наладили на стол. Вокруг стола поместилось порядочно публики, в том числе, конечно, я. На Новый год у них была приготовлена самогонка, слишком крепкая, меня заставили выпить рюмку» [103].

Новый год... Совершенно очевидно, что это *не хакасский* Новый год – Чыл Пазы, который празднуется в день весеннего равноденствия 22 марта, а – *русский* Старый Новый год, отмечаемый с 13 на 14 января по григорианскому

календарю. И пьянка, соответственно, организована русскими. Пьянка, в которую втягивались и приглашенные хакасы.

«22 января 1923 г. Понедельник.

19-го я выехал в Синявино, т.е. в Крещение. Перед обедом, не заезжая в Синявино, я проехал на Нимир для сбора белок за брата Осипа. Но в этот день буквально народ был поголовно пьян, никакого толка нельзя было добиться от них...» [104].

«Народ... поголовно пьян»! И это в 1923 году, когда на дворе, как безапелляционно, с бодрейшей уверенностью утверждают иные, погрязшие в абсурдизме трезвятики, в самом разгаре якобы был «ленинский «сухой» закон»?! Похоже, что слух о существовании закона одного еще не угораздило докатиться до Енисейской губернии, иначе никак не объяснить то, что в 1921–1922 гг. Ивановский № 15 винокурный завод (Канский уезд) совершенно легально выкурил аж 68 000 ведер спирта, а в 1923 году – 11 064 ведра; Владимирский № 16 винокурный завод (близ Минусинска) в 1921–1922 гг. выкурил 25 100 ведер; внес свой вклад и Александровский № 18 винокурный завод (Лугавская волость Минусинского уезда)... [105].

А в это самое время в 35 районах России – массовый голод, людоедство, люди поедали падаль, крыс, кошек и собак...

Интересно, могло ли то зерно, пущенное на спирт и самогон, спасти те 5 миллионов, что сгибли от голода в период с 1921 по 1923 годы?

А ведь еще были пивоваренные заводы: красноярские – «Красноярец» и «Ливония», минусинский, принадлежащий товариществу «Пивовар», ачинский... О последнем писалось: «Максимальная производительность 48 000 ведер в год. Но так как г. Ачинск в настоящее время потребляет лишь незначительное количество пива, то завод выработал за первое полугодие 1922–23 г. лишь 3 213 ведер» [106].

И такая картина была не только в Ачинске – во всей Енисейской губернии: «***В виду слабого спроса на пиво*** (выделено мной. – Е.Б.), заводы работают с весьма незначительной нагрузкой, влеча довольно жалкое существование» [107].

Далее Р.А. Кызласов повествует:

«11 февраля 1923 г. Воскресенье.

Сегодня праздник, все гуляют, пьяны, а я сижу на квартире» [108].

«8 апреля 1923 г. Воскресенье.

Сегодня праздник Пасха.

...здешние все веселы, они для этого праздника приготовили массу опьяняющих напитков. Они пьют и отравляют тоску этим безумным и вредным для человеческого организма ядом. Это вошло в их обычай, привычку, без вина нет праздника, как будто без этого яда нельзя встречать праздники, созданные религиозным воззрением человечества с древних времен» [109].

Выше мы уже говорили, что для введения «сухого закона» мало просто тупо запретить, нужно еще под этим запретом иметь социальную базу, которую мы определили, как 51% от всего населения старше 15 лет. Был ли этот процент в 1923 году, если, как писал Р.А. Кызласов, «*все гуляют, пьяны*»?

А ведь это глухая Сибирь... Что в это время происходило в крупных городах, можно судить, в частности, по циклу стихов С.А. Есенина, который благополучно спивался именно в период действия якобы существовавшего в те годы «сухого закона» и даже выпустил об этом в 1924 году книжку «Москва кабацкая».

Представляется также совершенно очевидным, что самогонование было спровоцировано *не запретительными мерами, а ограничительными*, благодаря которым в обществе на законном основании все еще присутствовала торговля пивом и вином.

Эту же мысль несколько позже подтверждал и нарком здравоохранения Н.А. Семашко. Выступая перед рабочими-пищевиками 22 февраля 1926 г., на вопрос рабочего: «Пиво относится к вредным вещам?», нарком отвечал: «...Оно призывает к употреблению более крепких напитков. От пива хочется вина, от вина хочется водки» [110].

Коль мы тут упомянули о пиве, не могу не указать на еще одно махровое заблуждение считающих, будто бы советская власть была сторонницей абсолютной трезвости, и для подтверждения истинности своих слов, приводящих цитату из Плана ГОЭРЛО: «Запрещение потребления алкоголя должно быть проведено и далее в жизнь как безусловно вредного для здоровья населения». (План ГОЭРЛО одобрен VIII Всероссийским съездом Советов, проходившим в Москве 22–29 декабря 1920).

Действительно, в Плане такие слова есть. Однако почему бы не прочитать то, что написано далее? Дабы избежать возникновения дополнительных, ложных измышлений, вынужден привести текст полностью:

«52. Запрещение потребления алкоголя должно быть проведено и далее в жизнь как безусловно вредного для здоровья населения. Для производства алкоголя в количестве, необходимом для научных и технических нужд, а также для сохранения объекта вывоза за границу существующие винокуренные и спиртоочистительные заводы обладают производительностью, превышающей потребность в размере 25 млн ведер. Имея, однако, в виду пользу, приносимую винокурением сельскому хозяйству, необходимо принять меры к возможно широкому применению спирта для различных технических нужд.

53. С целью представить населению напиток, менее вредный для здоровья, чем контрабандная самогонка, по мере восстановления сельского хозяйства и получения достаточного количества ячменя *следует восстановить пивоваренное производство* (выделено мной. – Е.Б.), с допущением ограниченного содержания алкоголя, причем существующих пивоваренных заводов будет достаточно для снабжения пивом населения в умеренном размере» [111].

Затем, декретом от 8 декабря 1921 г., разрешается продажа вина уже крепостью до 20°! Далее, постановлением ВЦИК и СНК от 3 февраля 1922 г. восстанавливается пивоварение. И появляются: «Стенька Разин», «Красная Бавария», «Октябрьское»... И, конечно же, многообещающая реклама, к которой, кстати, приобщился малоразборчивый в своих пристрастиях В.В. Маяковский:

1
Долой запивающих до невязания лык,
но пей Трехгорное пиво –
пей «Двойной золотой ярлык».

2
Трехгорное
пиво
выгонит вон
и ханжу
и самогон.

3
Попробуйте –
и сделайте вывод:
лучшее на вкус
Хамовническое пиво [112].

Добавим сюда и то, что в соответствии с решением X-го съезда РКП(б), 14 марта 1921 года политика «военного коммунизма» уступает место рыночным отношениям – в стране начинает проводиться НЭП, со всеми его «прелестями» шкурничества и презрения к чужой человеческой жизни: «Под знакомыми всем желто-зелеными вывесками гостеприимно открыли свои двери рестораны, трактиры, пивные... В окнах магазинов заиграли разноцветными красками стройные ряды бутылок с «слабыми» напитками. На улицах появились пьяные – шатающиеся, с мутным взглядом, с бессвязной речью...» [113].

А до 1925 г., когда, как утверждают иные несведущие, был отменен «сухой закон», еще долгих три года! Пьяные на улицах и ряды бутылок в окнах магазинов это, по разумению наших «сухозаконников», очевидно, и есть тот самый «сухой закон», который был и к которому, видимо, мы и должны стремиться... Вы знаете, уважаемый читатель, я иногда не совсем уже понимаю, где человек вдрызг пьяный, где заурядный враг трезвости, а где туповатый «сухозаконник и чем они друг от друга отличаются.

Вот что писал доктор Мендельсон о положении в Ленинграде: «В течение 1922 года арестовано было милицией 2 058 пьяных, а в 1923 г. – уже 6 001 человек, т.е. почти в 3 раза больше. Мест изготовления самогона обнаружено было в 1922 г. – 598, а в 1923 г. – 4 186, т.е. в 7 раз больше. Питейных заведений в Ленинграде было в 1922 г. – 480, а в 1923 г. – 758 (сюда входят пивные лавки, рестораны, трактиры и виноторговли). Пива приходилось на душу городского населения в 1921 г. 36,5 бутылок, а в 1923 г. – 65,7 бутыл.» [114].

Для особо уж настаивающих на том, будто бы до 1925 года в России был «сухой закон», приведу совсем убойный, малоизвестный ряд цифр, которые находится в «Большой медицинской энциклопедии», изданной в 1928 году:

Потребление спиртных напитков в литрах на 1 чел. в год.

(Сумма в чист. алкоголе): Евр. Россия [115]:

1901–1905 гг. – 4,84;
1906–1910 гг. – 4,33;
1919–1922 гг. – 3,03».

27 июля 1922 г. ВЦИК и СНК приняли декрет «Об организации государственного виноградарства и виноделия в РСФСР и союзных Советских Республиках» [116].

30 января 1923 г. выходит декрет СНК, разрешающий продажу наливок и настоек. А это означает, что в 1923 году душевое потребление алкоголя было уже значительно **выше, чем 3,03 литра** и продолжало неуклонно расти.

С 1924 г. допускается продажа алкогольных изделий крепостью до 30°.

14 октября 1924 года вышло постановление СНК СССР «О разрешении продажи населению денатурированного спирта для хозяйственных и технических надобностей».

21 ноября 1924 года принято постановление ЦИК и СНК СССР «О понижении акциза на виноградный спирт, отпускаемый в районах виноделия на сдабривание виноградных вин».

28 августа 1925 г. принято постановление ЦИК и СНК СССР, подписанное А.И. Рыковым и А.Г. Червяковым, «О введении в действие положения о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими», вступившее в силу с 1 октября 1925 г.

Все! Период имитации борьбы с алкогольным злом благополучно завершился...

На протяжении всего периода – с 1914 по 1925 годы, уважаемый читатель, мы с вами, – увы! – так и не увидели, чтобы производство, продажа алкоголя и распитие алкоголя были бы однозначно законодательно запрещены. Соответственно, не приходится думать и о том, что в этот период общество в большинстве своем состояло из людей, имеющих трезвые убеждения и ведущих трезвый образ жизни. И действительно, выступая в Секции Здравоохранения Моссовета 18-го мая 1926 г., доктор А.С. Шоломович был вынужден сообщить: «В Москве... **60% школьников знают крепкие напитки**. Были случаи, когда школьники приходили на уроки опьяненными» [117].

Так если среди детей **такое** количество пьющих, сколько ж, в таком случае, пьющих среди **взрослого** населения? И, коль так, то нельзя не констатировать: в рассматриваемый период просто не существовало необходимой социальной базы не только для установления полного запрета, но даже для его поддержания.

И при этом нужно совершенно отчетливо понимать, что результаты социологических и прочих опросов, преследующих цель – выяснить мнение людей о надобности устранения спиртного из жизни общества, – фактически ничего не стоят: человек, который при существовании алкогольной торговли не способен отказаться от алкоголя, но при этом заявляющий, что он за запрет, тем самым не столько демонстрирует нам двойственность человеческой природы и свою персональную беспринципность, сколько наличие в самом себе достаточно большого внутреннего мировоззренческого конфликта, решаемого чаще всего при поддержке наличествующего алкоголя в пользу питья, и решаемого чаще всего в пользу трезвости при поддержке наличествующего тотального запрета, именуемого «сухим законом».

Но возможен ли вообще этот «сухой закон», по крайней мере, в той форме, в какой мы его выше уже договорились понимать?

Безусловно! При условии, что трезвые люди – гаранты воплощенного в действительность запрета – составляют не менее 51% от всего взрослого населения. И они вполне могут такое количество составлять. Поскольку было же время, когда все человечество планеты вело исключительно трезвый образ жизни. А «то, что было, – как утверждает известный писатель Н.Н. Непомнящий, – будет вновь, ибо будущее пребывает в прошлом!» [118].

Был период, когда люди вообще не знали одурманивающих веществ, а когда познакомились с ними, то долгое время сторонились их, как и сейчас еще сторонятся растений, могущих причинить им вред, все животные, находящиеся в естественных условиях. Случись иначе – вымерло б все живое...

Было время, причем, совсем еще недавно – в середине XIX-го столетия, когда без сложных соцопросов явствовалась очевидность: «У нас на семью пьющую, Непьющая семья» [119]. Вот они – надобные 50%!

И даже сегодня, при тотальной тирании алкоголизированных, да еще и к тому же отдающих густой тухлятиной и нафталином обычаев и обрядов, а также пропитейных шаблонов, круглосуточно навязываемых телевидением, театром, эстрадой и целым отрядом от бардовской песни, добровольными лоббистами-холуями Алкогольного бизнеса – В. Егоровым, О. Митяевым, братьями Мищуками и прочими, – все дети рождаются – исключительно трезвенниками, и приходящие в 1-й класс – они все еще трезвенники! Так почему ж не могут они оставаться таковыми до конца своих дней? Кто способен им в том помешать!? Совершенно очевидно, что им мешают их собственные, пьющие родители, и пьющая часть общества, и государство, извечно стоящее на стороне спаивателей. Так, значит, с этим легионом, на котором пребывает явная тень inferнально-дегенеративного зла, нужно что-то делать?! Ведь совершенно же очевидно, что сами приверженцы наркотического образа жизни, находящиеся в плену липкой проалкогольной лжи и диких проалкогольных предрассудков не могут ни осознать своего собственного положения, ни, тем более, ухватив самих себя за шкуру, вытянуться из информационной болотной топи на сухое место.

Значит, за решение проблемы должны взяться и всерьез трезвенники, смогшие остаться таковыми даже в сегодняшних условиях, когда отказываться

от интоксикантов просто-напросто запрещено хмельцентрированным социумом: запрещено быть трезвым на похоронах и крестинах, на свадьбе и на Новый год, в день рождения и просто в гостях! За решение проблемы должны взяться трезвенники, смогшие остаться трезвыми даже в условиях повсеместно продаваемого алкоголя, в условиях пропаганды питья, которая ведется самым неподлейшим образом, и ведется многими и всякими, начиная от престарелой певички Вики Цыгановой и заканчивая начинающим алкоголиком, президентом РФ В.В. Путиным, систематически и охотно поднимающим то кружку пива, то бокал вина, то рюмку водки.

За решение проблемы должны взяться трезвенники, – больше просто некому – коих по итогам общероссийского опроса, проведенного 17–18 ноября 2012 году ВЦИОМ, оказалось уже 33% [120]. (Сравните: 2010 г. – 22%, 2011 г. – 28%).

Нас уже 33%! Кто же способен помешать нам, если мы сами себе не помешаем, довести эту цифру до необходимой?

А мы себе – не помешаем. А мы себе – поможем!

И для этого необходимо реанимировать в головах и душах людских веру в то, что трезвость, – не только персональная, но и всенародная, – вполне реальная категория. И это достижимо, и, прежде всего, с помощью реабилитации понятия «сухой закон», выдвигаемого нами в качестве идеала и цели. И именно этого ради необходимо всех заявляющих, будто бы происходившее в период с 1914 по 1925 гг. это и есть «сухой закон», приравнять к пропагандистам культурпитейства, ибо они разнясь в риторике, *в сущности* не отличаются друг от друга ничем. Более того, необходимо этим господам предъявить совершенно четкий вопрос: почему они продолжают защищать мифологему сейчас, когда благодаря кропотливому труду И.П. Клименко и Р.Г. Чертанова стали доступны многие документы, проливающие ясный свет на темный период столетней давности?

Второе: необходимо понять, что не наше это дело – заниматься проблемой пресловутой доступности алкоголя, ратовать за меры *ограничительного* свойства (ночная торговля и пр.), т.к. ограничительные меры всегда и неизбежно являются *катализатором* той проблемы, которую с ее помощью пытаются преуменьшить. (Об этом хорошо знает каждый, даже начинающий огородник: срывать верхушки сорной травы, значит, способствовать ее размножению). К подобному выводу в свое время пришел со своей командой специалистов и председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС А.Я. Пельше. Как утверждает бывший руководитель Пресс-центра ЦК КПСС (1985–1991) Н.А. Зенькович, «административные меры и всяческие ограничения нисколько *не искореняют* в народе злоупотребление спиртными напитками.

Это невероятно, но в записке, приложенной комиссией Пельше к проекту постановления, утверждалось: *притеснение пьющих в питейном вопросе – есть источник того же самого, то есть пьянства!*» [121]

И только после того, как эти азбучные истины претворятся в очевидность для Трезвеннического движения, оно прекратит, наконец-то, само себе мешать своим дичайшим невежеством, перестанет спихивать само себя на обочину

идейного беспутства, откажется от блужданий по кругу бессмысленных затей, и обретет ясное видение великой цели, и преисполнится пониманием своей великой исторической миссии.

И наши славные лидеры, ныне погрязшие в дрязгах междоусобиц и меркантильной суете, вдруг очнутся от постигшей их одури, встрепенутся, расправят могучие плечи, встанут в полный рост, и поведут за собой миллионы соратников, и в едином порыве поднимется вся Россия, и Россия будет Великой, потому что она станет Трезвой!

И ради этого безусловного триумфа, возлежащего на самореализации наших собственных творческих потенциалов, ради абсолютного торжества наших трезвенных убеждений и этической концепции, ради чего горели такие русские светильники, как М.Д. Челышев, Г.А. Шичко, Ф.Г. Углов, Ю.А. Соколов, Ю.А. Ливин, Ю.В. Морозов и многие, многие другие, жизнь свою на то положившие, мы, не сбиваясь с шага, не впадая в сомнения, в малодушие, в позорный скулеж по поводу своей физической ли, умственный или же духовной немощи, выбираем нижеследующее, как проект Программы наших совместных действий:

1. Добиться не только **запрета** рекламы алкогольных изделий и пропаганды питания, но и введения в Уголовный кодекс РФ соответствующих статей, направленных на уголовное преследование за распространение антиобщественных идей.

2. Приравнять на уровне Конституции пропаганду алкоголизации, в том числе, всякое пропитейное подстрекательство, к пропаганде войны.

3. Развернуть антиалкогольную просветительскую работу, направленную не только на развенчание проалкогольных мифов, но и на нейтрализацию проалкогольных убеждений.

4. Развернуть в СМИ систематическую пропаганду трезвого образа жизни, как суммы навыков и умений адаптироваться без аутохимизации.

5. **Запретить**, – как и рекомендовал выдающийся пропагандист трезвого образа жизни В.Г. Жданов, – производство пива и вина, и, соответственно, торговлю оными.

6. Отделить государство от производителей алкоголя и алкоторговцев.

7. При достижении в обществе 51% трезвых людей старше 15 лет, установить **запрет** на производство, в том числе, и в домашних условиях «крепких напитков», а также **запрет** на торговлю «крепкими напитками», а также **запрет** на распитие «крепких напитков» в общественных местах, равно как и появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения.

Примечание: Спиртосодержащие жидкости признаются «крепкими напитками», если содержание в них винного спирта превышает 1,5% (градуса) по Траллесу.

Будучи людьми трезвыми и адекватно, без посторонних примесей воспринимающими действительность и себя самих, мы отдаем отчет в том, что не мы пионеры в поиске мер, способных остановить конвейер алкогольных смертей, процесс дегенерации нации, вымирания народа...

Человек уже тысячи лет ищет выход из информационно-духовного тупика, в который его завели, одни не ведая, что творят, другие же – по злему умыслу. И вот, когда он, казалось бы, наконец-то нашел выход, выход оказался входом в еще худшую проблему. Возвращаться не было смысла, идти вперед – было неразумным, стоять на месте – бессмысленным. И тогда человек решил, что решать ничего не нужно. Потому что решение ничего не решает.

И в самом деле.

Церковники два тысячелетия проклинали пьянство, но все их проповеди являлись, и остаются таковыми – лукавой пропагандой все того же питья.

Многие онаученные умы старательно морщили свои высокие лбы – искали не что-нибудь, но корень вселенского зла, то бишь причины, и охотно предлагали найденное – рецепты устранения проблемы: развивать духовные интересы народа, повышать культуру народа и, конечно же, благосостояние народа...

Думается, что никто не против предлагаемого, но оказывается, что пьют, и даже спиваются и простые попы, и епископы, и рядовые работники культуры, и министры культуры, и обеспеченные, и очень зажиточные люди... И оказывается, что такой город-очаг культуры, как Москва, ничем особо – по числу пьющих, и по количеству на душу выпитого – не отличается от глухого сибирского села Первомайское (Хакасия), где еще пять лет тому назад сгорел без надежды на восстановление единственный Дом культуры...

Кроме того, если считать, что духовность, культура и благосостояние – надежные вытеснители спиртного, то нам придется сделать вывод, что за последнее столетие наш народ стал более нищим, низменным и диким, ибо в 1913 году душевое потребление алкоголя в России составляло 4,7 литра, а в 2009 году – 18 литров.

Далее, сыскался такой деятель от медицины, как директор НИЦ наркологии Минздрава РФ Н.И. Иванец, который додумался до немыслимого: «людей, начиная со школьной парты, нужно учить пить умеренно и культурно и если нам удастся это решить, то тогда и проблем не будет» [122].

Из этих же джунглей и с той же ветки глазеет на алкогольную проблему и ныне действующий главный психиатр-нарколог Минздрава России, директор Московского научно-практического центра наркологии, доктор медицинских наук, профессор Евгений Алексеевич Брюн, пока еще не лишенный диплома:

«...надо учить пить. Надо мной уже смеялись по этому поводу. Но это правда. Везде есть инструкции. По использованию бытовой техники, по эвакуации и так далее. Но нигде вы не прочтаете, как пить вино или пиво, чем закусывать.

Нам пока не хватает просвещенческих информационных рубрик на телевидении, чтобы мы учили родителей правильно воспитывать детей и снижать риски по алкоголизации.

Я так подозреваю, что это должна быть программа на канале «Культура» или на образовательном канале, может быть на ОТР. Должна быть рубрика, где мы бы просто в развлекательной форме учили... Это должно быть такой прианкой развлекательной» [123].

Общество под руководством учителей-алкоголизаторов и исключительно благодаря им, пьет уже тысячи лет, но что-то «неграмотных», т.е. пьяниц да алкоголиков, становится все больше, больше и больше! Не потому ли, что учителя хреновые? Или потому, что учение их способно принести только те результаты, которые и приносит – спившиеся люди, спивающиеся народы?

В России на 1897 год по данным переписи, 79% населения были неграмотны, к 2010 году число неграмотных – менее 1% [124].

Почему ж с делом Брюна да Иванца все иначе: растет душевное потребление алкоголя, увеличивается количество алкоголиков, стремительно молодеет алкоголизм?..

Быть может, и в самом деле, пора учредить министерство алкогольного просвещения, создать по всей стране сеть университетов алкоголизма и пьянства, – тьфу ты, черт! – университетов культуропитейства и умеренности?.. И – учить, учить и еще раз учить! Учить из чего пить, на сколько пальцев наливать, греть или не греть, как держать рюмку, а как фужер, да как при этом оттопыривать мизинец, да еще и с чем пить – с селедкой ли, с копченым лососем ли, с омаром, с сыром или же без них, но с горьким шоколадом, когда пить, и что под красное, а что под белое... Эх, да если б люди все это знали бы, да разве ж они нахрюкивались бы до такой степени, до каковой ныне-то!?

Но... тут вот какая закавыка: неужели ж при всех наших благородных просветительских замыслах, мы должны, как бы невзначай, но бросить грязную тень сомнений на возможности домашнего обучения? Неужели ж мы должны упереться рогами в факт, что домашнее обучение, при котором родные люди с любовью и теплотой прививали своему отпрыску застольную культуру питья, повсеместно и с треском провалилось всерьез и навечно? Неужели ж мы должны усомниться в способностях наших крупных эстетизаторов рюмки и бокала, так по-русски и где-то даже по-европейски умеющих пить, усомниться в способностях Вячеслава Тихонова и Нонны Мордюковой, рядом с которыми так и остался наиполнейшим невеждой их сынок Владимир, к 40 годам окончательно спившийся и затем еще и окончательно погибший от передозировки наркотиков?

Хуже того! Ведь умудрился же спиться большой умелец питья, дагестанский поэт Расул Гамзатов, ценитель и любитель хорошего вина, так воспевавший вино божественное в своих возвышенных стихах... Как написала в книге врач Кремлевской больницы П. Мошенцева, великий Учитель Востока в невменяемом состоянии возлежал в холле на диване, грохнулся с дивана на пол, но не повел и ухом, и настырно продолжал свое возлежание и далее, только уже на коврике... А наутро из больницы его, естественно, выперли... [125].

И неужели ж не повезло с учителями таким знатокам запоя, как Алексей Саврасов («Грачи прилетели»), Модест Мусоргский, Николай Успенский, Михаил Шолохов, Александр Фадеев, Сергей Довлатов, Леонид Андреев, Геннадий Шпаликов, Галина Брежнева, Борис Ельцин, Лера Кудрявцева, Лариса Гузеева, Олег Даль, Владимир Высоцкий, Борис Галкин, Михаил Ефремов, Леонид Агутин, Валерий Воронин, Раймонд Паулс, Александр Розенбаум, Юрий

Шевчук, Алексей Нилов, Александр Домогаров, Андрей Краско, Наталья Андрейченко, Сергей Мазаев, Петр Алейников, Изольда Извицкая, Алексей Панин?..

Но если хронически не справляются со своей миссией обучатели питию, а заменить их, похоже, нечем, – как мог бы сказать А.С. Пушкин – одни спились, а те далече, – быть может, за неимением ничего лучшего, начнем людей учить жить трезво?

Тем более, что есть еще одна существенная закавыка.

Зачем пить воду, если она не утоляет жажду? Зачем пить спиртное умеренно, просто символически, если оно у вас не вызывает опьянение? Если же вызывает, то как проигнорировать точку зрения самой же наркологии, согласно которой «алкогольное *опьянение* – *острая интоксикация*, обусловленная психотропным действием напитков, содержащих этиловый спирт» и различают всего «три степени опьянения: легкую, средней тяжести и тяжелую» [126]? И чему ж в таком случае эти паханы от Медицины – Иванец да Брюн – вознамерились развлекательно и с приманкой учить нас и детей наших на каналах ОРТ и «Культура»?

Тому, как правильно доводить себя до состояния отравления?

А между тем, с этим окультуриванием интоксикации тоже ведь не все просто. Ведь каждый второй, а иной раз и каждый каждый, может энергично посетовать на то, что выпил-то он вроде бы весьма культурно, но все культурно выпитое, почему-то превратило его в полнейшую скотину, и все опять закончилось, как обычно?..

Изучая проблему алкоголизации русского народа в историческом аспекте, а сегодня еще и алкоголизацию, как политику геноцида, мы видим: на какие только ухищрения ни пускалась власть, чтобы народ пил все больше и больше, но при этом не спивался б, не преступничал и работал, работал, работал. Его и пороли плетьюми, и выдирали ноздри, и штрафовали, и сажали в тюрьму, и выгоняли с работы, и лишали водительских, и родительских прав... Власть вводила откупную систему, винную монополию, отменяла монополию, и опять вводила монополию... Пыталась вытеснить самогон водкой, а водку вином и пивом. И даже в начале 80-х годов финансировала разработку И.И. Брехмана, который в Дальневосточном научном центре Академии наук СССР химичил что-то там с настойкой «Золотой рог», чтоб она не давала похмелья. Примечательно, что эту химеру несколько позже начал захлеб рекламировать и пропагандировать большой сторонник и любитель самогона, нарколог, доктор медицинских наук В.П. Нужный. (См., в частности, его статью «Полезная водка» в журнале «Химия и жизнь», №1, 1998 г.).

Таким образом, изучая проблему алкоголизации, мы вынуждены констатировать: все последние столетия государственная власть лишь старательно имитировала борьбу с пьянством, и, показушно выступая против пьянства, сама же его и насаждала...

И на сегодняшний день результаты деятельности государства, и Минздрава, как составной его части, столь преступны, – сотни тысяч человек ис-

требляемых с помощью алкоголя, необратимая деградация нации, вымирание населения, – что нет у нас иного пути, как приложить все силы для введения «сухого закона», и надеяться на то, что отрезвевший народ, и восставший против своего скотского состояния народ, восстановит в стране и социальную справедливость, и признает три формы собственности, и сведет к минимуму торговлю импортной продукцией на внутреннем рынке; и защитит сельхозтоваропроизводителя; и спасет отечественную промышленность, и расследует обстоятельства грабительской приватизации, начиная с 1991 года; и разовьет государственное образование, и поддержит высшее образование, и улучшит условия жизни пенсионеров, ветеранов, инвалидов, матерей-одиночек и всех социально незащищенных слоев населения; и разработает «концепцию военной политики России и программу создания новых Вооружённых сил с учётом опыта конфликтов с конца XX века и до начала XXI века»...

Все сделает великий русский трезвый народ ради себя самого и ради великой России!

Но для этого в качестве наипервейшего шага нам необходимо согласиться с тем, что уже было сказано людьми мудрыми:

А. Мендельсон:

«*Только полное устранение спиртных напитков*, прекращение продажи и потребление их, – единственный путь, по которому можно идти в борьбе с пьянством» [127].

Е. Коровин:

«...и соображения здравого смысла, и великий опыт России наглядно свидетельствуют, что есть национальные недуги, которые не исцеляются никакими полумерами и излечиваются только одним путем – хирургической операцией *полного запрещения*» [128].

Н.Г. Загоруйко:

«Алкоголь справедливо сравнивают с многоголовой гидрой: стоит оставить хотя бы одну голову, как гидра неизбежно возродится снова. Эффективной мерой является только *полное искоренение алкоголя* из жизни общества» [129].

Ну, что тут можно возразить?..

Да и надо ли?

г. Абакан

10 июля – 11 сентября 2014 г.

Е.Г. Батраков

Литература:

1. Программа.

[Электронный ресурс]. URL:

<http://partia-tr.ru/doc/platform>

Дата обращения: 15 июля 2014 г.

2. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. – М., 2013. – С.540.
3. Преступность в России в 2013 году.
Дата обращения: 22 июля 2014 г.
[Электронный ресурс]. URL:
<http://www.garant.ru/infografika/521220/>
4. Сухой закон.
[Электронный ресурс]. URL:
http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%F3%F5%EE%E9_%E7%E0%EA%EE%ED
Дата обращения: 24 июля 2014 г.
5. Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. – Том II. Мюнхен, 1949, Часть III. Думская Монархия (1907–14 г.). – С. 99.
6. Ю.А. Петров. Государственный бюджет.
[Электронный ресурс]. URL:
<http://istmat.info/node/197>
Дата обращения: 26 июля 2014 г.
7. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. – М., 1991. – С. 398.
8. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. – С. 327.
9. Барк П.Л. Воспоминания / П.Л. Барк // Возрождение. – 1965. – № 157. – С. 61.
10. Высочайшие Рескрипты, данные на имя... II. Управляющего Министерством Финансов П.Л. Барка / Трезвая жизнь. – 1914 г. – №3. – С. 293.
11. Циркуляр управляющего министерством финансов управляющим акцизными сборами (от 11 сего марта, за № 1762) / Правительственный вестник. – 1914. – № 58. – 12 (25) марта 1914 г. – С. 2.
12. Шахназаров А.И. Закон о виноградном вине и его применение. – Петроград, 1916. – С. 9
13. Высочайшие Рескрипты, данные на имя... II. Управляющего Министерством Финансов П.Л. Барка / Трезвая жизнь. – 1914. – № 3. – С. 293
14. Прием Государем Императором деятелей церковных обществ трезвости. / Трезвая жизнь. – 1913. – № 5. – С.597
15. Лисицын Ю.П., Копыт Н.Я. Алкоголизм. – М., Медицина, 1983. – С. 64
16. Шевердин С.Н. Со злом бороться эффективно. – М., Мысль, 1985. – С. 13
17. Коломаров Н. Теперь или никогда! – Петроград, 1915. – С. 7.
18. Курукин И., Никулина Е. «Государево кабацкое дело»: Очерки питейной политики и традиции в России. – М., 2005. – С. 225.
19. Николаев А.В. Борьба с пьянством и алкоголизмом в 1894-1932 гг.: опыт отечественной истории: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Тольятти, 2002. – С. 83.
20. Введенский И.Н. Опыт принудительной трезвости. – Новосибирск, 1996. – С. 3.
21. Собр. Узак, № 207, 29-го 1юля 1914 г., ст. 2097.
Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войною 1914–1915 г.г. – Т.1, изд.2-е, Петроград, 1916. – С. 68-70
22. Циркуляр Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей управляющим акцизными сборами (от 31-го июля 1914 года, № 2326) «О повышении размеров акциза с вина и спирта и пивоварения» / Правительственный Вестник. № 177. –1914. – 10 (23) августа. – С.3.
23. №94. Особый журнал Совета Министров. 9 августа 1914 года. По вопросу о разрешении торговли спиртными напитками / Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 год. – М., 2006. – С. 271-272
24. Собр. Узак. № 248, 5-го Сентября 1914 г., ст. 2848.
Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войною 1914–1915 г.г. – Т.1, изд.2-е, Петроград, 1916. – С. 215.
25. Вестник трезвости. – № 234–235, июнь-июль, 1914 г. – С. 14.
26. Вестник трезвости. – № 234–235, июнь-июль, 1914 г. – С. 15.
27. Собр. Узак. № 263, 26-го Сентября 1914 г., ст. 2404.

Цит. по Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войною 1914–1915 г.г. – Т.1, изд.2-е, Петроград, 1916. – С. 294–295

28. Свод Законов Российской Империи. Устав об Акцизных Сборах – СПб., 1912 г. – Т.5. – С. 306.

29. Свод Законов Российской Империи. – СПб., 1912 г. – Т.5. – С. 306.

30. Свод Законов Российской Империи. – СПб., 1912 г. – Т.5. – С. 306.

31. Свод Законов Российской Империи. – Т.5. – С. 305

32. Законодательное предположение об утверждении на вечные времена в Российском государстве трезвости. – Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы. Четвертый созыв. Сессия четвертая. 19 Июля – 3 Сентября 1915 г. (№№ 1–57). – Пг. 1915.

33. Собр. Узак. № 270, 10-го Октября 1914 г., ст. 2471.

Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войною 1914–1915 г.г. – Т.1, изд.2-е, Петроград, 1916. – С. 331–332

34. Продажа пива и вина // Вестник трезвости. – 1914 г. – № 238. – С. 1

35. Собр. Узак. 366, 31-го Декабря 1914 г., ст. 3543.

Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войною 1914–1915 гг. – Т.1, изд.2-е, Петроград, 1916. – С. 618–620

36. Введенский И.Н. Опыт принудительной трезвости. – Новосибирск, 1996. – С. 5, 8, 12, 13.

37. Фридман М.И. Винная монополия. Том II. – СПб., 1916. – С. 187.

38. Отзывы о результатах введения казенной продажи питей, поступившие в министерство финансов от начальников губерний и других лиц. – СПб., 1901 г. – С. 1

39. Отзывы о результатах введения казенной продажи питей, поступившие в министерство финансов от начальников губерний и других лиц. – С. 3-4.

40. Отзывы о результатах введения казенной продажи питей, поступившие в министерство финансов от начальников губерний и других лиц. – С. 16.

41. Отзывы о результатах введения казенной продажи питей, поступившие в министерство финансов от начальников губерний и других лиц. – С. 24.

42. Отзывы о результатах введения казенной продажи питей, поступившие в министерство финансов от начальников губерний и других лиц. – С. 40.

43. Отзывы о результатах введения казенной продажи питей, поступившие в министерство финансов от начальников губерний и других лиц. – С. 64.

44. Введенский И.Н. Опыт принудительной трезвости. – Новосибирск, 1996. – С. 13.

45. Введенский И.Н. Опыт принудительной трезвости. – С. 14, 15.

46. По некоторым, связанным с воспрещением продажи крепких напитков, вопросам // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 г. – М., 2006. – С. 611

47. Детский алкоголизм в Сретенске.

[Электронный ресурс]. URL:

<http://starosti.ru/archive.php?m=7&y=1914>

Дата обращения: 1 августа 2014 г.

48. Собр. Узак. № 23, 20-го Января 1915 г., ст.171.

Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войною 1914–1915 г.г. – Т.1, изд.2-е, Петроград, 1916. – С.661–662

49. Собр. Узак. № 31, 27-го Января 1915 г., ст.263.

Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войною 1914–1915 г.г. – Т.1, изд.2-е, Петроград, 1916. – С.666–671

50. Самарский Жигулевский пивоваренный завод.

[Электронный ресурс]. URL:

<http://ysamara.ru/samarskiy-zhigulevskiy-pivovarenniy-zavod.html>

Дата обращения: 3 августа 2014 г.

51. Съезд винокуренных заводчиков Северо-западного края // Иллюстрированный ежегодник Торгово-промышленный мир России, Ч.2. – Пг., 1916. – С. 44.

- 52.** Высочайше утвержденное 14 июля 1915 г. положение Совета Министров. Об установлении акциза с виноградных, плодовых, ягодных и изюмных вин / Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. – Пг., 1916. – С. 210
- 53.** Распоряжение, объявленное Прав. Сенату Министром Финансов. Инструкция по применению Высочайше утвержденного 14 июля 1915 года положения Совета Министров об установлении акциза с виноградных, плодовых, ягодных и изюмных вин / Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. – Пг., 1916. – С. 434–435
- 54.** Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия четвертая. – Пг., 1915. – Ст. 356
- 55.** Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы. Четвертый созыв. Сессия четвертая. 19 Июля – 3 Сентября 1915 г. (№№1–57). – Пг., 1915.
[Электронный ресурс]. URL:
<http://leb.nl.ru/edoc/322075/Стенографические-отчеты>
Дата обращения: 7 августа 2014 г.
- 56.** Аптеки и алкогольная монополия.
[Электронный ресурс]. URL:
<http://www.provisor.com.ua/archive/1999/N2/antialk.php>
Дата обращения: 18 августа 2014 г.
- 57.** Щербинин П.П. Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период Первой мировой войны 1914–1918 годов. Вестник челябинского университета. 2/2003 . – С. 68
- 58.** По вопросу о разрешении торговли спиртными напитками // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 г. – М., 2006. – С. 271.
- 59.** Аксенов В. Б. Сухой закон» 1914 года: от придворной интриги до революции / В.Б. Аксенов // Российская история. – 2011. – № 4. – С. 134.
- 60.** Мендельсон А. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. – Пг., 1916. – С. 48.
- 61.** Жданов В.Г. Лекция: «Трезвость – наше оружие», 20 марта 1988 г. Абакан. Дом пионеров.
- 62.** Мендельсон А. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. – С. 48-49.
- 63.** Мендельсон А. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. – С. 3-4.
- 64.** Мендельсон А. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. – С. 49
- 65.** Дух.
[Электронный ресурс]. URL:
<http://azbyka.ru/dictionary/05/duh-all.shtml>
Дата :21 августа 2014 г.
- 66.** Платон. Избранные диалоги / Платон. Пир. – М., 1965. – С. 143.
- 67.** Лазарев С.Н. Диагностика кармы. – СПб., 1995. – С. 199.
- 68.** 1915 г. Статистика производств, облагаемых акцизом. Ч.1. – Пг., 1917. – С. 53.
- 69.** 1915 г. Статистика производств, облагаемых акцизом. Ч.1. – С. 76.
- 70.** 1915 г. Статистика производств, облагаемых акцизом. Ч.1. – С. 131.
- 71.** 1915 г. Статистика производств, облагаемых акцизом. Ч.1. – С. 132.
- 72.** 1915 г. Статистика производств, облагаемых акцизом. Ч.1. – С. 138.
- 73.** А. Романовский-Романько. Винодельческая промышленность и война / Иллюстрированный ежегодник Торгово-промышленный мир России. – Пг., 1916, ч. 1. – С. 37
- 74.** Пятый Гр. Хроника / Гр. Пятый // Вестник трезвости. – 1916. – №№ 258-259. – С. 31.
- 75.** № 166. Особый журнал Совета министров. 26 августа 1916 г. О воспрещении в 1916–1917 гг. производства спирта на всех винокуренных и дрожжево-винокуренных заводах Империи / Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1916 год. – М., 2008. – С. 414–415

- 76.** Щербинин П.П. Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период Первой мировой войны 1914–1918 годов / П.П. Щербинин // Вестник челябинского университета. – 2003. – № 2 (16). – С. 69.
- 77.** Старцев В.И. Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте – апреле 1917 г. – М.: Мысль, 1978. – С. 4
- 78.** О задачах пролетариата в данной революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений, изд. 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 31. Март – апрель 1917. – С. 114
- 79.** Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1, Ч. II., № 47. – Пг., 1917. – С. 115-117
- 80.** А. Романовский. О предположении повсеместно воспретить продажу виноградных вин для питьевого потребления / Торгово-промышленный мир России. – Пг., 1916, ч. 1. – С. 64.
- 81.** Письма из далека. Письмо 1. Первый этап первой революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений, изд. 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 31. Март – апрель 1917. – С. 18.
- 82.** Стариков Н.И. Хроники Красного Октября. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 80.
- 83.** Мельник Т. (Боткина). Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. – Белград, 1921. – С.28.
- 84.** Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. – М.: Госиздат, 1959. – С. 303.
- 85.** Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.). Сборник документов. – М.: Госполитиздат, 1958. – С. 23.
- 86.** Заседание Петроградского Совета Р. и С. Д. // Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – Пятница, 8 декабря. № 246. – С. 6.
- 87.** Резолюция Петроградского Сов. Р. и С. Д. о борьбе с пьянством // Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – Среда, 6 декабря. № 244. – С. 6.
- 88.** Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 9. Дневники: 1919–1941. Из публицистики 1907–1917 гг. Воспоминания современников. – М.: Русская книга, 2005. – С. 349
- 89.** Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.). Сборник документов. – М.: Госполитиздат, 1958 г. – С. 73.
- 90.** Начало совещания о мерах по снижению потребления алкоголя в России 12 августа 2009 года. Сочи.
[Электронный ресурс]. URL:
http://archive.kremlin.ru/appears/2009/08/12/1608_type63374type63378type82634_220787.shtml
- Дата обращения: 10 сентября 2014 г.
- 91.** Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. № 32. 22 (9) апреля 1918 г. – Ст. 426. – С. 442
- 92.** Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.). Сборник документов. – М.: Госполитиздат, 1958 г. – С. 115.
- 93.** Воронов Д. Алкоголь в современно быту. – М., Л., 1930. – С. 70
- 94.** Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге 27 мая // Ленин В.И. Полное собрание сочинений, изд. 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – Т. 43. Март – июнь 1921. – С. 326.
- 95.** Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. – М.: 1950. – С. 1059.
- 96.** Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. – М.: 1950. – С. 92.
- 97.** Известия В.Ц.И.К. – 1920 г. – 1 января 1920 г., № 1/848 – С. 4.
- 98.** Известия В.Ц.И.К. – 1920 г. – 3 января 1920 г., № 2/849 – С. 2.
- 99.** Петрова Ф.Н. Антиалкогольная политика в России: история и современность. – СПб., 1996. – С. 57.

- 100.** Известия СССР и ВЦИК. – 1923 г. – № 288.
- 101.** Кызласов Роман Афанасьевич. Дневник (сентябрь 1920 – январь 1924) /Сост. Тугужекова В.Н. – Абакан, 2007. – С. 84.
- 102.** Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 1. 1918–1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – С. 560, 562.
- 103.** Кызласов Роман Афанасьевич. Дневник (сентябрь 1920 – январь 1924) – С. 91.
- 104.** Кызласов Роман Афанасьевич. Дневник (сентябрь 1920 – январь 1924) – С. 92.
- 105.** Справочная книжка Енисейского Губернского Совета Народного Хозяйства. – Красноярск: Государственная типография, 1923. – С. 294, 295.
- 106.** Справочная книжка Енисейского Губернского Совета Народного Хозяйства. – Красноярск: Государственная типография, 1923. – С. 301.
- 107.** Справочная книжка Енисейского Губернского Совета Народного Хозяйства. – Красноярск: Государственная типография, 1923. – С. 297.
- 108.** Кызласов Роман Афанасьевич. Дневник (сентябрь 1920 – январь 1924) – С. 95.
- 109.** Кызласов Роман Афанасьевич. Дневник (сентябрь 1920 – январь 1924). – С. 102.
- 110.** Цит. по Марченко Ю.Г., Матвеев П.В., Насыров А.Н., Загоруйко Н.Г. Стратегия отрезвления. – Новосибирск, 1990. – С. 43.
- 111.** План электрификации Р.С.Ф.С.Р. Доклад 8-му Съезду Советов Государственной Комиссии по Электрификации России. – М.: Государственное Техническое Издательство, 1920. – С. 174-175.
- 112.** Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т.5. – М., 1957. – С. 309-310
- 113.** Тяпугин Н. Народные заблуждения и научная правда об алкоголе. – Издательство Наркомздрава РСФСР, 1926 г. – С. 16.
- 114.** Вестник Современной Медицины. – 1925 г. – № 3.
- 115.** Большая медицинская энциклопедия. (Гл. редактор Н.А. Семашко). Т.1. – М.: Советская энциклопедия, 1928. – С. 410.
- 116.** Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. – М., 1950. – С. 1059–1060
- 117.** Тяпугин Н. Народные заблуждения и научная правда об алкоголе. – С. 21.
- 118.** Непомнящий Н.Н. Странники Вселенной. – М., 1999.
[Электронный ресурс]. URL:
<http://вседуховное.рф/непомнящий-н-н-странники-вселенной/>
Дата обращения: 5 сентября 2014 г.
- 119.** Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо / Сочинения. Т.3. – М., 1959. – С. 110
- 120.** Пресс-выпуск №2174, 26.11.2012. «Ограничение на продажу алкоголя: работает ли закон?»
[Электронный ресурс]. URL:
<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113413>
Дата обращения: 6 сентября 2014 г.
- 121.** Зенькович Н. Тайны ушедшего века. Власть. Распри. Подоплека.
[Электронный ресурс]. URL:
<http://www.librius.net/b.htm/43286.htm#t22>
(Дата обращения: 08.01.2014 г.)
- 122.** Телепрограмма ЦТ «Ночное «Время», 28 мая 2003 г.
- 123.** Антюшенина С. Надо учить пить.
[Электронный ресурс]. URL:
<http://lenta.ru/articles/2014/06/27/brun/>
Дата обращения: 7 сентября 2014 г.
- 124.** Журенков К. Россия теряет грамотность
[Электронный ресурс]. URL:
<http://www.kommersant.ru/doc/2051104>

Дата обращения: 7 сентября 2014 г.

125. Мошенцева П. Тайны кремлевской больницы. – М., 1998. – С. 234.

126. Руководство по психиатрии в двух томах. Т.2. – М., 1983. – С. 252–253

127. Мендельсон А. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. – Пг., 1916. – С. 3–4

128. Коровин Е. Война и алкоголь в Англии / Е. Коровин // Вестник трезвости. – 1916. – № 262-263. – С. 28.

129. Загоруйко Н.Г. «Сухой закон» для себя / Н.Г. Загоруйко // Советская Сибирь. – 1984. – 6 июля.

*Выражаю самую теплую благодарность за моральную и информационную поддержку, оказанную мне при написании данной работы, канд. хим. наук **Клименко И.П.** (Москва), юристу **Трофимову О.И.** (Абакан), канд. ист. наук **Стогову Д.И.** (С.-Петербург), **Фоминцеву С.А.** (Омск)...*